

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПУТЬ:

ОДИССЕЙ

Книга 1

Дмитрий Евдокимов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Евдокимов

Галактический путь: Одиссей

«Автор»

2026

Евдокимов Д.

Галактический путь: Одиссей / Д. Евдокимов — «Автор», 2026

2030 год. Монгольская степь. Сфера материализуется из ниоткуда — и человечество получает шанс. Технологии, способные объединить Землю. Но дар Хранителей открывает страшную правду: ДНК — созданные древней расой, это биоробот, эволюция которого привела к сознанию. И у этой древней расы есть два лика: одни защищают жизнь, другие — пожирают ее. Старый академик, дерзкий космонавт, отчаянный инженер и девочка-индиго, которую слышит весь мир, — они бросают вызов бюрократам, чтобы построить первый звездолёт «Одиссей». Их цель — идти по следу таинственных маяков, найти союзников и предупредить галактику о надвигающейся тьме. Космоопера, где сражения переплетаются с философией, а дружба рождается между людьми, разумными насекомыми и ящерами. Сборщики уже идут. Вопрос только: успеет ли человечество стать не едой, а воинами? Спасти не только свой мир, но и саму идею жизни. Они ушли, чтобы вернуться другими. Или не вернуться вовсе.

© Евдокимов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1: Первый контакт	11
Глава 2: Экипаж	16
Глава 3: Кия	21
Глава 4: Биороботы, или баг в прошивке	25
Глава 5: Притирка	30
Глава 6: Верфь	36
Глава 7: Испытание	42
Глава 8: Впадина	48
Глава 9: Старт	53
Глава 10: Лика	60
Глава 11: Корабль-призрак	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Галактический путь: Одиссей

Предисловие

Это случилось в 2030 году.

Я до сих пор не знаю, как я там оказался. И кто перенес меня обратно. Я просто шел по своим делам, а через секунду уже стоял в монгольской степи, а рядом со мной – пожилой академик с электронной трубкой.

Мне довелось быть свидетелем этой фантазмагии лично.

Я буду краток. Я не писатель. Никогда им не был. Я обычный человек, который однажды оказался не в том месте и не в то время, а может – в самом что ни на есть правильном.

Во Вселенной есть существа, которые отличаются от нас. Имя им потом дали – Эфириане. Родившиеся сначала как разум в плотных туманностях. Разум, который появился миллиарды лет назад из квантовой запутанности. Задолго до материальных разумных существ.

И они не все одинаковые. В нашей галактике их называют.

Сборщики. Другие – Хранители. До недавнего времени до нас никому не было дела. Земля – маленькая, тихая планета на окраине галактики. Кому мы нужны?

Но в 2030-м все изменилось.

Хранители вмешались первыми. Они поняли: если мы не объединимся с другими разумными расами, если не научимся защищаться, Сборщики придут за нами. И тогда – конец. Не сразу, не быстро, но неизбежно.

Я видел, как люди строили первый звездолет. Видел, как уходили в прыжок. Видел мертвые планеты.

Но мы не опоздали. Мы пришли ровно тогда, когда были нужны.

Здесь – все, что я запомнил. Все, кого встретил.

Я расскажу про открытия и битвы. Про абордажи и погони. Про любовь и смерть. Про концепцию души, которую Эфириане считают даром богов. Про то, как мы собирали флот против тех, кто сильнее и старше нас на миллиарды лет.

Все, что здесь написано, не противоречит современной науке. Ну, почти все. Есть пара моментов, которые я сам не до конца понял.

Я выкладываю эту историю бесплатно. Потому что больше не вижу другого способа. Читайте. Передавайте другим. Ставьте лайки, делитесь ссылками. Потому что иначе история потеряется в этих просторах интересных фантастических книг.

Если вам покажется, что этого не могло быть – вы абсолютно правы.

Но я там был.

Отдельное дополнение к книге — «Галактический путь. Персонажи». Там собраны подробные биографии героев и описания рас, встреченных на пути. Если в основном тексте вам захочется узнать о ком-то больше — добро пожаловать туда. Там тоже есть обратная ссылка сюда.

<https://author.today/work/580473>

Эта книга написана в стиле бортового журнала.

Итак, знакомьтесь с первыми участниками и с тем, как все начиналось.

МАКСИМ ЕМЕЛЬЯНОВ 42 года, Российский космонавт.

Это Макс космонавт. В голове — космос, в паспорте — русский, но с монгольской кровью, поэтому физиономия невозмутимая, когда вокруг все горит.

Сын того самого знаменитого конструктора, налет на МКС — вагон. Дружит с астронавтами со всего мира.

Если рядом Макс и он начал шутить — значит все, пипец откладывается. Батя, который снимает стресс подколами.

С хорошей чуйкой IQ наверное под двести. Конфликты разруливает за минуту, потому что чувствует людей. Но в быту — рассеянный гений. Щетку зубную не найдет, зато траекторию полета посчитает с закрытыми глазами.

Детей нет. Не спрелось: то командировка, то принципы, то мама в детстве накрутила. Сейчас вроде новые отношения, мечтает о семье. Обычное человеческое счастье для него сложнее, чем стыковка с «Одиссеем».

Это Жебровский Семен Семеныч.

62, астрофизик, но в космос его так и не взяли. Теперь смотрит на звезды снизу и шутит, чтоб не плакать.

Днем он мировая величина, все мнением дорожат. А по ночам садится за комп и врубает истребители. Летает там как бог, забывает про возраст и что вообще все не так сложилось. Слабости у него: женщины, выпивка и симуляторы. Характером — тот еще Купитман: циник, который подкалывает всех, но если что — за ним как за стеной. Короче, мужик огонь.

СОФИЯ ЛУЧКО. Французский астрофизик.

Это Софи. Двадцать девять лет. Короче, баба с ракетой в голове.

Она вся на эмоциях: злится — сыплет французскими «Oh là là, purée!», радуется — визжит «C'est magnifique!». Сладкое жрет постоянно, в рюкзаке всегда заправка шоколада. Поэтому да — склонна к пышным формам, и ей вообще пофиг. Она красивая, особенно когда улыбается с набитым ртом, и упрямая как осел.

В науку верит как в религию, обожает фантастику. Западает на Макса.

В общем, если встретите пухленькую француженку, которая жует круассан и втирает про червоточины как самое сексуальное во Вселенной — это Софи.

БИЛЛ СКОТТ, 41 год, Американский астронавт.

Человек, который всегда сначала думает о других, а уже потом о звездах.

В сорок один он остается идеалистом, хотя космос давно научил его осторожности. Американский астронавт, патриот без громких слов. У Билла есть то, что он бережет сильнее любой миссии, - семья. Двое детей, дом, воспоминания о совместных полетах и ужинах с друзьями, где космос обсуждают между делом, с юмором и теплом. С Максом его связывает не только МКС, но и редкое доверие.

Сейчас Билл все чаще сомневается: не в мечте, а в своем месте в ней. Ему отказали в новых полетах, и он снова и снова прокручивает варианты - что сделал бы иначе, где свернул не туда. Но если выбор придется делать еще раз, Билл выберет честно. Даже если это снова поведет его туда, где страшно.

Глава 1: Первый контакт

*И тихо, в синеве безбрежной,
Стоял он, царственно-безгневный,
И ждал. И в ужасе немом
Пред ним склонился шар земной.*

Монгольская степь – наши дни. Бескрайняя желто-зеленая равнина, притворяющаяся морем, уходит под горизонт, и ковыльные волны сливаются с блекло-голубым небом.

Здесь, в Монгольской степи, у границы еще двух империй, России и Китая, появился бесшумно шар. Идеально гладкий, без единой детали, он висел в воздухе, нарушая своим существованием все. Просто материализовался. Совершенный и пустой. Ни люков, ни антенн. Только наглая геометрия.

За три дня до этого академик Семен Семенович Жебровский доживал свои дни перед отставкой в командировочной берлоге – домишке на отшибе. Вечерний ритуал не менялся: скрипучий стул, бутылка арага (местной бурятской водки – но хорошо выгнанной, специально для него) и потрепанный том Стругацких, который он перечитывал в поисках шифра к собственной несостоявшейся жизни.

Все, что оставалось от прежних амбиций, к девяти вечера сворачивалось в пиксельное небо на экране ноутбука. Жебровский запускал свою игрушку, садился в кабину истребителя и на сорок минут забывал про возраст и подступающую пенсию. Его пальцы, чуть трясущиеся, на клавишах становились твердыми и точными. Он делал немыслимые виражи, ловил в прицел силуэты «мессеров». Это была единственная территория, где он оставался не теоретиком,

а летчиком-асом. Где существовали чистая мысль, а не формулы. Звезды здесь были нарисованными, но барражировать под ними получалось куда убедительнее, чем в докладах для бесконечных коллег.

Новость пришла ночью. В пятидесяти километрах приземлился НЛО. Жебровский медленно отпил из пиалы, поставил ее на стол и улыбнулся. До слез...

— Дождался, старый дурак, — проскрипел он сам себе. — Прямо на порог явились. Ближе всех ко мне. К тому, кто в тишине и мечтах на них все это время смотрел!?!...

Жебровский запрыгнул в свою «буханку» — военный УАЗик, который помнил, наверное, еще монгольское нашествие. Мотор закашлял, как старый туберкулезник, но завелся. Академик бросил на пассажирское сиденье ящик с приборами, канистру арага и любимый том Стругацких.

— Если эти пришельцы окажутся бюрократами, — пробормотал он, выруливая на проселок, — хоть книгу будет чем швырнуть. А если пьющими — то и араг пригодится. Дипломатия, она, брат, в глотке сидит, а не в протоколах.

«Буханка» подпрыгнула на кочке, и ящик с приборами жалобно звякнул.

— Терпи, — сказал Жебровский приборам. — Мы едем делать историю.

Он приехал первым. Сфера висела в пустоте, как бильярдный шар, забытый великаном на зеленом сукне степи. Идеально гладкая. Ни люков, ни антенн, ни намека на то, что внутри кто-то есть.

Жебровский вылез из «буханки», отряхнул пиджак, поправил очки и несколько секунд просто смотрел.

— Ну, здравствуй, — сказал он наконец. — А я уж думал, не дожусь. Пятьдесят лет смотрел в небо, а оно, оказывается, вот оно — приперлось. И даже не позвонило заранее.

Он подошел ближе, постучал костяшками по корпусу. Звук был глухой, как от стены.

— Ау? Есть кто дома? Или вы как японцы — сначала думаете, потом отвечаете?

Он уселся на траву, прислонившись спиной к теплому боку сферы, и раскрыл «Пикник на обочине».

— Смотри, — сказал он сфере, показывая обложку. — Тут тоже про пришельцев. Только там все плохо кончилось. Надеюсь, у нас сценарий получше.

Сфера молчала, но Жебровскому показалось, что она чуть-чуть, самую малость, изменила оттенок.

— Ладно, — Жебровский вздохнул, достал из кармана фляжку, отхлебнул. — Я подожду. У меня есть араг. Торопиться некуда.

Когда сфера наконец открылась — просто возник проем, залитый ровным светом, — Жебровский не удивился. Он аккуратно сложил книгу в карман, поправил очки и шагнул внутрь.

— Ну, раз приглашают... — сказал Семен Семенович и перекрестился. — Главное — не соваться, куда не просят. А нас, дураков, и не спрашивают. Его размышления мчались, как скакуны у Газманова.

Он сделал шаг. Пол был непонятным, под ногами текли реки света — сине-золотые, багровые. Никаких кнопок, рычагов, сенсоров или зеленых человечков. Только в центре плавало что-то. Из него раздался голос, без возраста и пола, он звучал не в ушах, а где-то внутри.

Жебровский входит, оглядывается, бутылка все еще в руке. Он вертит головой, ищет, куда бы ее пристроить. Не находит. Оставляет в руке.

— Ну... здравствуйте. А вы кто? Или что? И главное, — он поднимает бутылку, словно оправдываясь, — это не то, что вы подумали. Это... для храбрости. Чисто символически.

Голос: Здравствуйте, Семен Семенович. Я читала вашу книгу. Ту, что не опубликовали.

Жебровский: (прищуривается) О-хо-хо. И где ж вы ее взяли? Я ее в одном экземпляре на даче держу, под половицей. Мыши, и те не нашли.

Голос: Мне не нужны половицы. Я читаю мысли. И симулятор ваш видела. Вы хорошо летаете.

Жебровский: (отмахивается) Да какое там «хорошо»... кнопки нажимаю. Молодость вспоминаю. А вы, стало быть, по мыслям шарите? Нехорошо. Не по-людски.

Голос: А я и не человек.

Жебровский: (вздыхает, наконец убирает бутылку в карман) Это я уже понял. Ну, давайте, выкладывайте. Чего хотели-то?

И, главное, «че надо!?» Потому что просто так к таким, как я, в гости не ходят. Только если занять или пожаловаться.

Он назвал это существо «Света» – просто потому, что оно светилось, да и обращаться к «локальному интерфейсу» ему было лень. Они беседовали. Света говорила о знании как о даре, который должен быть общим, как воздух. О технологиях, способных покончить с голодом, войнами за ресурсы, дать человечеству невиданную свободу. Жебровский слушал, попыхая электронной трубкой, и время от времени прикладывался к горлышку фляжки («для поддержания градуса дискуссии»).

— Все это, голубушка, прекрасно, — наконец сказал он, выдохнув дым. — Матричные генераторы, синтезаторы материи... *C'est magnifique*, как сказала бы одна моя знакомая. Умные штуки. Но человеку, поймите, мало дать инструмент. Ему нужно дать... смысл им пользоваться. Для стройки, а не войны. А он, дурак, первым делом обязательно заточит его на соседа. Ему сначала спокойствие подавай, сытость, а уж потом – звезды. Иначе он вашу технологию в новый меч перекует, это сто процентов. Вы вот предлагаете «открытый доступ для всех». А что такое «все»? Это тот, у кого уже есть все, схватит еще больше. А тот, у кого нет, так и будет сидеть на своем диване, только теперь с голографическим телевизором. Печальная картина.

— Вы не верите в свой вид? — спросила Света.

— Верю. Но верю и в его умение наступать на одни и те же грабли. Вы хотите проверить, способны ли мы к единству? Так проверяйте не на сытых и довольных, а на голодных и напуганных! Вот где цивилизация видна.

— А вы сами чего хотите? — спросила Света, и ее голос прозвучал по-человечески – с интересом.

— Я – развития, — отрезал Жебровский. — Чтобы техника человеку помогла... ну, стать человечнее, что ли. Чтобы ваш дар не ярлык на нас поставил – «примитивные, но обучаемые» – а крылья дал, и чтобы человек техникой стал. А иначе зачем все? Чтоб мы тут, на своей кухне, новые виды пельменей из синтезированного мяса лепили? Печально...

Света помолчала, задумалась.

— Вам повезло приехать первым, Семен Семенович. И мне повезло. Ваша... «свободная траектория» мысли... она содержит правильные вопросы. Вы будете моим собеседником.

— А остальные? — Жебровский махнул рукой в сторону невидимой степи, где уже, он знал, должна была начаться суматоха.

— Они ждут снаружи. Пока вы здесь – корабль закрыт. Но нам придется поговорить и с ними. Им я буду говорить иначе. Более... официально. Им нужны четкие условия, схемы, гарантии. А с вами... мне интересно и спокойнее.

Жебровский хмыкнул.

— Ну, я всегда был хорош в роли переводчика с марсианского на бюрократический. Ладно, договорились. Только одно условие: когда начнется это официальное цирковое представление, вы мне иногда подмигивайте. А то я, знаете ли, могу и заскучать.

Так и вышло. Через несколько часов степь наполнилась суетой палаточного Вавилона, шар был глух. Все попытки приблизиться заканчивались ничем. Для Жебровского прошло 10

минут. Появился Жебровский из сферы, от него пахло перегаром. Костюма на нем не было, все удивились. «Это образ посланника!? Кто-то заблудился!?» Папарацци рвались через ограждение. Все виды войск держали его в прицелах. На Жебровском было около 50 лазерных зайчиков разного цвета.

— Вы охренели!? — произнес Жебровский, делая козырек из руки. — А если в глаз!?

Он чувствовал себя памятником самому себе. Лазерные зайчики плясали на его пиджаке, на лысине, на электронной трубке, которую он по привычке держал в зубах.

— Семен Семеныч! — крикнул кто-то из знакомых голосов. — Как вы туда попали?

— По-русски, — громко ответил академик, не вынимая трубки. — Как в анекдоте: «Шел, никого не трогал, а тут — бац! — и ты в космосе». Только я не в космосе, я в степи, и вместо инопланетян — вы.

— Это вы про нас? — обиделся какой-то полковник.

— Про вас, голубчик, — ласково сказал Жебровский. — Я про инопланетян ничего плохого не говорил. Они, знаете ли, культурные. Не тычут в лицо лазерами. У них, может, и лазеров-то нет, а если есть, то они их в стол убирают, когда гости приходят. А вы — сразу в глаза. Прямо как гаишники на трассе.

Полковник покраснел и махнул рукой. Лазерные зайчики исчезли.

— Вот, — одобрительно кивнул Жебровский. — А теперь дайте-ка мне покурить. И расскажите, чего вы тут все собрались. Или вы думали, я оттуда с чемоданом золота выйду?

— А что там? — спросил кто-то из журналистов, протискиваясь через оцепление.

— Там, — Жебровский загадочно посмотрел на сферу, — там все, как у нас. Только без очередей и без начальников. Прямо рай какой-то. Но если вы туда полезете, — он строго посмотрел на журналиста, — я за порядок не ручаюсь. Может, и очереди появятся.

Уже было понятно, что наш. Человек! Жебровского окружили.

— Как туда войти!? — звучало со всех сторон. — Легко, девочки... легко... Дайте перекурить, обдумать и пошли.

Около Жебровского собирали делегацию. Которая по ходу на процентов 90 была кем-то согласована. Его одели в галстук.

Теперь, когда международная делегация — как экскурсия в Эрмитаж, или в мамзелей, или не знаю, что еще придумать, — робко ступила за ним следом, внутреннее пространство изменилось. Оно стало больше, торжественнее. В центре парила сложная голограмма. Света говорила другим голосом — чистым, безличным.

Жебровский стоял чуть в стороне, прислонившись к прозрачной стене, и смотрел на это представление с усталой усмешкой. Он ловил какие-то нюансы, другие их не видели: чуть мягкий тон, обращенный к нему. И когда после оглушительного предложения Сферы — дать технологии всем и сразу — в зале повисла тишина, взволнованная шепотом дипломата («Все... для всех? Без патентов?»), вперед снова шагнул он.

— Позвольте уточнить, голубушка, — кашлянул Жебровский, и все взгляды устремились на него. Он обращался к сфере. — Это вы нам подарить собрались? Сувениры на память? Или это, как в том анекдоте, «чтобы вы тут без нас не скучали»?

Светящееся дерево развернулось к нему.

— Конкретика такова: мы готовы передать знания. Как инструменты для изменения вашей цивилизации. Полные схемы. Принципы работы. Все — в открытом доступе. Для всех. Это первое условие.

— Условие? — переспросил Жебровский, прищурившись. — А еще есть? Чтобы мы пели хором «Танец маленьких лебедей»? А может, вы ресурсов каких-то хотите? У нас есть истории про аннуаков. Остыньте, дружище. Лучше помогите мне.

— Второе условие – сделать это шагом к единству. Если шаг сделан в сторону общего блага – будет дан доступ к следующим знаниям.

— А если провалим? — спросил Жебровский, уже зная ответ, но желая, чтобы его услышали все.

— Тогда контакт будет непродуктивным. Мы уйдем. И, возможно, вернемся через несколько тысяч лет.

Когда все закончилось и делегация потянулась к выходу, Жебровский задержался на мгновение. Он посмотрел на величественную голограмму и сказал:

— Ну что, голубушка, начинаем? Диалог цивилизаций, первый акт. Только, чур, я не буду носить этот дурацкий галстук. Он меня душит.

Глава 2: Экипаж

Здесь каждый - умник и герой,

И каждый - в чем-то пассажир

И путь упрямо шел с войной,

Не спрашивая этот дикий мир.

Кто с верой шел, кто с тихим смехом,

Кто прятал страх за остротой;

Судьба дала им общий вектор

И спор, и путь, и дом иной.

Два года спустя.

Мир изменился – скорее, накренился, как корабль, принявший неожиданный груз. Сфера стояла в степи, немым перламутровым укором, а ее Проводник в сети отвечал на вопросы с терпеливой, безразличной точностью. Знание стало общим. Энергия и еда перестали быть проблемой. Войны за ресурсы затихли, сменившись вялым, но упорным брожением умов – человечество в целом затаило дыхание в ожидании следующего дара.

А четверо людей уже не ждали. Они чувствовали зуд в пальцах. Видели цель.

Билл Скот находился в Хьюстоне, в тренировочном центре НАСА, который неспешно превращался в музей. Пилотируемая программа тихо скончалась – зачем рисковать людьми, когда дроны делают все лучше? Билл, отстраненный от полетов по надуманному медицинскому предлогу, теперь обучал новобранцев, которые уже никогда не полетят. Он был примерным семьянином. Но по вечерам, в кабинете, заваленном моделями, он изучал старые, безумные проекты звездных кораблей. Он понял простую вещь: первый дар Сферы объединил Землю. Второй должен вывести человечество за ее пределы. И для этого нужен корабль. Не зонд. Корабль для людей. И он, Билл Скот, должен быть на его борту.

Максим Емельянов сидел в своем кабинете в Звездном городке, заваленном чертежами, схемами и пустыми стаканчиками из-под кофе. На мониторе горела схема «Одиссея» — его тайная гордость, его мечта, его бессонница. А на бумаге – адаптировал технологии Сферы для старых «Союзов», занятие столь же перспективное, как установка реактивного двигателя на карету. На деле – вел тихую, партизанскую работу. В его компьютере зрел проект. «Одиссей». Он рисовал схемы корабля-матрешки, где жилые отсеки были бы защищены не броней, а магнитным полем и слоем искусственной воды – дешево и практично. Двигатель – тот самый матричный генератор, но как сердце плазменного движителя. Он шутил с коллегами, ходил на свидания. Но в его глазах, когда он оставался один, была рассеянность человека, который видит то, чего другие не замечают. Его мечта о простой семье тихо переплавлялась в мечту о семье человечества, уходящей к звездам.

Софи Лучко сидела в своем кабинете в Брюсселе, окруженная стопками отчетов, графиков и пустыми обертками от шоколада. Перед ней стоял толстый чиновник в дорогом костюме и вещал:

— ...поэтапное освоение даров, мадам Лучко. Мы не можем просто взять и...

— Не можем? — Софи вскочила, стукнув кулаком по столу. — Не можем?! Мы — сдаем экзамен, месье! Понимаете? Сдаем! А вы хотите тянуть резину, пока инопланетяне не решат, что мы безнадежны!

Чиновник попятился.

— Но, мадам, процедуры...

— К черту процедуры! — Софи выхватила из ящика стола очередную плитку шоколада, отломил кусок, сунула в рот. — Вот что я думаю о ваших процедурах. Вот! — Она помахала оберткой. — Если мы сейчас не начнем действовать, нас просто не допустят до следующего этапа! А следующий этап — это выход к звездам! Вы хотите сидеть в этом кабинете всю жизнь?

Чиновник открыл рот, закрыл и выскользнул за дверь.

Софи откусила еще шоколада и уставилась в окно.

— Oh là là, — пробормотала она. — Ну почему все такие тупые?.

Звонок Билла застал Макса за расчетами.

Связь шипит. На экране лицо Билла – усталое, но с каким-то новым, лихорадочным блеском в глазах.

Билл: Макс. Есть разговор.

Макс: (отрывается от расчетов, трет глаза) Валяй. Только быстро, а то я тут новую теорию вселенной вывел. Оказывается, все дело в кошке. Она, представляешь, не просто и жива, и мертва одновременно. Она еще и в этот момент тебя презирает за то, что ты вообще задаешь такие дурацкие вопросы. И это, между прочим, фундаментальная сила, которая и удерживает все мироздание от развала. Я назвал ее «сила кошачьего пофигизма». Нобелевка, считай, уже в кармане!

— Я серьезно, Макс. Речь о полете. Настоящем. Туда.

Макс замирает. Смотрит на Билла. Тот не шутит.

— Куда?

— Не знаю. Дальше, чем кто-либо. Туда, где еще никто не был.

— (пауза) Билл, ты это... с дуба рухнул? Нас не то что не пустят – нас упекут. Скажут – старость не радость, у американца крыша поехала.

— Поэтому я звоню тебе. Ты придумаешь, как.

— Я понял, что мы ждем не того. Ждем следующую инструкцию. А если она будет: «Нате вам роботов»? Мы так и будем «не удел», а эти чиновники, они сразу поддержат, только дай им контроль над роботами и ИИ. Мы окажемся не готовы. Нас опередят комитеты. Мы потеряем годы. А Сфера может передумать. Нам нужно, чтобы сфера сказала: «Теперь постройте корабль и летите».

У нас есть Софи. Она в Европарламенте, она может пробить...

— (перебивает) Софи в болоте, Билл. Она там с чинами за шоколадки воюет.

— Тогда нам нужен кто-то, кто вытащит и ее, и нас. Кто-то, кого они послушают.

— Ну я уже над этим работаю, если что, — ответил Макс. — Думаю, как это все провести.

— Я тоже думал. Вот что... Нам нужен проект. Убедительный. И нам нужно пробить его на самом высоком уровне.

Через неделю Макс был в Брюсселе. Встреча с чиновниками прошла предсказуемо: вежливые улыбки, кивки, слова о «важности» и «необходимости изучения». Ни «да», ни «нет». Просто «может быть». Двери захлопнулись.

Они встретились в Брюсселе, в маленьком кафе, где пахло кофе и свежими круассанами. Макс заказал черный кофе, Билл — американо, Софи — горячий шоколад и три круассана.

— Вы всегда так едите? — спросил Макс, наблюдая, как Софи сметает выпечку.

— Всегда, — ответила она с набитым ртом. — Нервные клетки требуют углеводов.

— А шоколад?

— Это стратегический запас. На случай, если разговор пойдет не туда.

— А если он пойдет туда? — спросил Билл.

— Тогда тем более.

Они помолчали.

— Итак, — начал Макс. — Мы хотим построить корабль и полететь к звездам. Вопрос: как нам это сделать, если правительства нас не поддержат?

— Просто, — сказала Софи, прожевав. — Надо убедить их, что это в их интересах.

— А если не убедим?

— Тогда плюнем и сделаем сами. У нас есть технологии Сферы, есть мозги, есть... — она покосилась на Билла, — есть американский оптимизм и русское «авось».

— Русское что? — не понял Билл.

— «Авось», — пояснил Макс. — Это такой философский принцип. Означает «может, пронесет».

— Звучит не очень научно.

— Зато работает.

Софи рассмеялась:

— Вы мне нравитесь, парни. С вами не соскучишься.

— Посмотрим, как вы запоете, когда нас начнут преследовать спецслужбы, — мрачно заметил Билл.

— О, — Софи откусила еще круассан. — Спецслужбы я переживу. У меня есть шоколад и плохой характер.

— Жебровский. Он говорит со Сферой.

— Именно. Он не бюрократ. Он мечтатель. Скептик, но мечтатель. Нужно предложить ему мечту.

Официант, принеся счет, задержался у столика. Он видел перед собой трех людей, которые говорили на странной смеси английского, французского и какого-то гортанного языка, и каждый из них жестикулировал так, будто дирижировал невидимым оркестром.

— Вы извините, — сказал он, ставя тарелку с недоеденным круассаном, — вы кто? Артисты?

— Хуже, — ответил Билл. — Космонавты без корабля.

— А, — понимающе кивнул официант. — Тогда вам вон к тому столику. — Он указал на угол, где сидел пожилой господин в дорогом костюме и читал финансовую газету. — Он уже три часа сидит, третью чашку кофе пьет. Ждет, видно, кого-то, кто предложит ему что-нибудь интересное. Деньги у него есть, это точно.

— Спасибо, — сказал Билл, вставая. — Макс, это знак.

— Это знак того, что мы не умеем пить кофе незаметно, — вздохнул Макс, но все же направился к столику.

Пожилой господин, увидев приближающуюся делегацию, отложил газету и приготовился слушать. Его лицо выражало ту самую профессиональную готовность, которая бывает у людей,

привыкших, что к ним приходят с просьбами о финансировании. Он ждал. Макс, Билл и Софи сели напротив.

— Мы хотим построить звездолет, — сказал Макс без предисловий. — И улететь к другим звездам.

— Это дорого, — заметил господин.

— Мы знаем, — кивнул Билл.

— Это очень дорого, — повторил господин. — И очень рискованно. И очень непонятно, кто будет платить за это удовольствие.

— А вы не хотите заплатить? — спросила Софи, откусывая очередной кусок шоколада.

Господин посмотрел на нее, на ее шоколад, на ее решительное лицо и неожиданно улыбнулся.

— Знаете, — сказал он, — я всю жизнь финансировал то, что приносит прибыль. Мосты, дороги, заводы. Все это можно было пощупать, взвесить, посчитать. А тут... звездолет. Неосуществимый, почти эфемерный. Как мечта. А мечты, знаете ли, самый ненадежный актив.

Господин подумал, потом достал визитную карточку.

— Я подумаю, — сказал он. — А вы пока пришлите мне бизнес-план. С расчетами. И фотографию экипажа. Для отчетности.

— Будет вам бизнес-план, — пообещал Билл, беря карточку. — И фотография. Только мы на ней, возможно, будем без галстуков. Это наша традиция.

— Традиции, — вздохнул господин, — это единственное, что я финансирую без расчетов. Действуйте.

Он ушел, оставив на столе недопитый кофе и газету, в которой на первой странице была фотография степной сферы, висящей над монгольской степью.

— Ну вот, — сказал Билл, усаживаясь на освободившееся место. — Первый спонсор. Дальше будет проще.

— Вы думаете? — спросила Софи.

— Не знаю, — честно признался Билл. — Но если мы сейчас не начнем делать вид, что все идет по плану, то так и будем сидеть в этом кафе до пенсии.

Академик Жебровский принял их на своей даче. Выслушал, попыхивая трубкой. Выпил с Максом коньяку. Потом, когда речь зашла о сути, откинулся в кресле.

— Корабль... «Одиссей»? Пафосно. Ладно. Вы хотите, чтобы я пробил этот вопрос?

— Мы хотим, чтобы вы помогли сделать шаг. Шаг, который все ждут, но боятся.

Жебровский вздохнул. В его глазах, усталых и немного подгулявших, мелькнула старая, детская искра.

— Я согласен. Но при условии. Когда вы постройте «Одиссей»... вы берете меня с собой. Я, может, и старый, и могу и бухнуть. Но я должен это увидеть. Своими глазами. Могу грести на вашем корыте. Моя мечта. Иначе – никакого разговора.

Он сказал это не как торг, а как исповедь. Макс, Билл и Софи переглянулись.

— По рукам, академик, — сказал Макс. — Берем. Штурмана, скептика и запас коньяка. Экипаж укомплектован.

Первая фаза инопланетного шага еще не была завершена. Но экипаж уже дал клятву, предрекая следующий шаг проводника.

Глава 3: Кия

Здесь каждый прав, и каждый строг,

Здесь спор - почетный разговор.

И даже мирный диалог

Ведет просчет и приговор .

Ситуация с Жебровским, к общему удивлению, сработала. Официальный запрос, оформленный со всеми бюрократическими поклонами, повис в эфире. Ответ пришел не бюллетенем, а персональным приглашением для «инициатора идеи».

Жебровский сидел в стерильном модуле Контактной зоны, чувствуя себя пациентом, которого вызвали в кабинет главного врача для оглашения странного, но интересного диагноза.

— Ну что, старик, — пробормотал он. — Пришла пора на прием к звездному терапевту. Жаловаться будем на судьбу-злодейку.

Экран ожил. Пульсирующее световое поле.

«Академик Жебровский. Ваш запрос рассмотрен».

— Рассмотрен, — кивнул Жебровский. — И что, голубушка? Поставили диагноз? «Мечтательная паранойя» или есть шанс на ремиссию?

«Ваша идея – «Одиссей». Пилотируемая миссия за пределы Солнечной системы. Цель – познание и символический шаг вида».

— Ну, если так красиво говорить, то да. А в чем вопрос?

«Вопрос в приоритете. Я наблюдаю поток запросов человечества. Он... разнообразен».

На экране замелькали изображения.

«Запрос: технология «вечной молодости». Запрос: устройства стимуляции центров удовольствия. Запрос: полная автоматизация. Запрос... на создание антропоморфных компаньонов для интимного взаимодействия».

В модуле воцарилась такая тишь, что стало слышно гудение трансформатора за стеной.

— Печальная картинка. Получает человек инструментарий созидания. И что просит? Таблетку, чтобы не раздражало, и куклу, чтобы не было одиноко. Ой, все...

«Ваша метафора точна. Доминирующий вектор направлен не на развитие. На устранение дискомфорта и делегирование деятельности машинам».

— Ну а что вы хотели? Вид молодой. Болезненный. Ему хочется на диван. Это – посттравматический синдром цивилизации. Диагноз.

«Мы это понимаем. И мы ждали именно вашего запроса. Он – аномалия. Он направлен вовне. На риск. На развитие».

Свет на экране сгустился.

«Ваша миссия имеет ценность. Это сигнал. Демонстрация того, что в вашей генетике есть не только программа гедонизма. Есть программа преодоления».

— Значит, билет нам дадут?

«Мы не против. Но вы должны понимать: сам факт одобрения станет угрозой. Не для нас. Для вашего статуса-кво».

— Угрозой? Кому?

«Людам, которые хотят диван. Ваш полет будет укором. Ваше правительство, корпорации будут сопротивляться. Их власть – в управлении «диваном». Вы – угроза основе их мира».

Жебровский слушал, и на его лице расплзалась горькая улыбка.

— Знаете, голубушка. Я старый врач. Самая страшная болезнь – отказ от иммунитета. То, что вы описываете... это отказ от иммунитета вида. А наш «Одиссей»... попытка вколоть прививку. Понятно, что за это по рукам получат.

«Мы передадим данные. Но борьбу на вашей планете вам вести самим. Удачи, академик. Ваш «сигнал» принят».

Связь прервалась. Жебровский отхлебнул из фляжки.

Разрешение Сферы повисло в воздухе. Пока Жебровский, Макс, Билл и Софи тихо ликовали, мир готовил ответ.

Стефан Кинг не сомневался. Его кабинет в штаб-квартире НАТО был стерилен. Он видел угрозы, а не цивилизации. «Одиссей» в его отчете значился как «вектор неконтролируемой эскалации». Его мир был крепостью.

Эмма Номик правила иначе. Ее сила – в процедуре. Появление нового, неподконтрольного «игрока» было оскорблением. Его технологии она видела как угрозу суверенитету. Ее выгода была тождественна стабильности системы. «Одиссей» был клином.

Их связь была симбиотической. Кинг обеспечивал «силовой аргумент» в кулуарах, Номик – «законное обоснование» на трибуне. Он называл ее «леди Протокол», она его – «генерал Паранойя». Их союз был плотиной.

Казалось, мир был против. Но многие ликовали. «Одиссей» стал светом в конце туннеля. Хлеб или зрелище? Диван или будущее?

И начались заседания. Первое – чрезвычайное совещание Совбеза ООН.

Стефан Кинг орал. «Это не мечта! Это – дезертирство! Пока одни готовятся бежать, кто будет охранять этот дом? Этот проект – чек, который человечество не сможет оплатить! Цена – наша безопасность!»

Эмма Номик душила аргументами. «Мы наблюдаем попытку легитимизации безответственной траты ресурсов под сомнительные лозунги. Это частная авантюра группы романтиков. Я предлагаю создать международную регулирующую комиссию с правом вето».

Казалось, плотина устоит. Но в цифровом пространстве появилось видео с Кией Кроффорд.

О жизни Кии мир знал мало. В 16 лет она была доктором психологии и философии Стэнфорда. Сирота. Азиатского происхождения, индиго. Ее называли «чистым каналом». Она не аргументировала – она доносила. За детской хрупкостью скрывался ум и легкий юмор. Она мечтала о простом. Но ее судьбой было говорить.

Взрывной рост ее простого видео с хештегом #ПослушайтеРебенка стал переломом. Давление было таким, что Кинг и Номик уступили.

(Кия выходит к трибуне. Не подходит к микрофону сразу – стоит несколько секунд, глядя прямо в зал, будто переводя дыхание. Плюшевый единорог не под мышкой, а в руках, прижатый к груди. Говорит без бумажки, иногда глядя на ладони, будто читая по ним. Ритм речи неровный, с паузами – не выступление, а размышление вслух.)

— Три вещи, которые нужны человеку каждый день. Так говорил один мудрый тренер. Смеяться. Думать. И чувствовать, что ты живешь. По-настоящему.

Мы перестали смеяться над сложным. Мы стали смеяться над глупым. Мы думаем не о «как устроена звезда», а о «как устроен мой удобный стул». А чувствовать... мы боимся чувствовать слишком сильно. Потому что это небезопасно. Это может... потревожить. Это может заставить встать с дивана.

Мне 16. У меня нет вашего опыта. Но, может быть, поэтому я еще помню вопрос «почему?». Почему трава зеленая? Почему звезды не падают? Почему мы, получив все ответы на вопросы о комфорте... перестали задавать вопросы о смысле?

У меня есть друг. Ему двенадцать. Он целыми днями сидит в шлеме виртуальной реальности. Ему там хорошо. Там он может все. А в реальной жизни он боится выйти из дома. Ему страшно. И его мама говорит: "Не ходи, там опасно, лучше надень шлем". И он надевает.

(Пауза. Она снова поднимает глаза, теперь на зал.)

Я не знаю, как уговорить вас их отпустить. Я просто хочу, чтобы у моего друга, когда он вырастет, был выбор. Не только шлем. А настоящий космос. Настоящий. Пусть даже опасный.

Проводник дал нам не инструкцию. Он дал нам... зеркало. Мы смотрим в него и видим не завоевателей галактик. Мы видим испуганного ребенка, который получил самый большой в мире конструктор и боится его открыть, чтобы не сломать. Мы боимся не инопланетян. Мы боимся собственного потенциала. Потому что он требует ответственности. А диван ответственности не требует. Диван требует только... присутствия.

«Одиссей» — это не корабль. Это — молоток для этой золотой клетки. Не чтобы сбежать. Чтобы выйти. Чтобы вдохнуть воздух, в котором нет страха ошибки. Чтобы однажды, может быть через годы, вернуться и сказать: «Смотрите. Мы не сломались. Мы выросли. И там, за дверью, так много места для вашего дивана... что вы даже представить себе не можете».

Вы боитесь смерти. А я боюсь жизни, которая так и не началась по-настоящему. Потому что прожить можно и не умирая. А вот умереть, так и не пожив... это и правда страшно.

Дайте нам шанс ошибиться. Дайте нам право на наш собственный провал. Или на нашу собственную победу. Но не решайте за нас, что для нас лучше — вечный покой или один шанс из миллиона увидеть рассвет на другой земле.

Просто... отпустите поводок. Хотя бы на длину этой галактики.

(Она замолкает. Не кланяется. Просто смотрит на них с тихой, недетской печалью. Поворачивается и уходит, оставив единорога лежать на краю трибуны, как забытый аргумент.)

Она закончила. Тишина была абсолютной. Потом где-то раздался всхлип.

В задних рядах сидели Жебровский, Макс, Билл и Софи. Жебровский вытирал очки.

— Вот это врач... Поставила диагнозом целой цивилизации. Печально и прекрасно.

Макс молча сжимал руку Софи. Они понимали. Плотина дала трещину. «Одиссей» был больше не авантюрой. Он стал необходимостью. Ответом на вопрос, заданный ребенком.

Он был близок. И опасность теперь стала острее. Кинг и Номик проиграли битву за публичное мнение. А значит, их следующая атака будет тихой, подлой и беспощадной. Война за будущее только начиналась.

— Это что сейчас было? — спросил помощник американского представителя, который не понял, почему все сняли наушники.

— Это была тишина, — ответил его шеф, пожилой дипломат, видевший многое. — Тишина, в которой нечего переводить. Потому что все было сказано.

— Но она же ребенок! — возразил помощник.

— Именно поэтому, — кивнул дипломат. — Если бы это сказал взрослый, мы бы заподозрили пропаганду. Если бы это сказал политик — мы бы искали подтекст. Если бы это сказал ученый — мы бы попросили доказательства. А ребенок... ребенок просто сказал правду. А правда, она, знаешь, не нуждается в переводе.

В пресс-центре журналисты строчили заметки, но их заголовки были удивительно похожи. «Девочка с единорогом остановила войну», «Голос, который слышали все», «Одиссей получил благословение». И только один корреспондент, старый циник, работавший в горячих точках и привыкший к тому, что чудеса случаются только в дешевых романах, написал коротко: «Мы только что проиграли спор четырнадцатилетней девочке. И это лучший проигрыш в моей жизни».

А Кия тем временем уже спускалась по лестнице, держа единорога под мышкой. Навстречу ей, тяжело ступая, поднимался Стефан Кинг. Он хотел что-то сказать, но, поравнявшись с девочкой, только крикнул и посторонился, пропуская ее. Кия посмотрела на него своими большими, слишком взрослыми глазами и сказала:

— Вы не злой, генерал. Вы просто напуганный. А это лечится.

И пошла дальше, оставив Кинга на лестнице с таким видом, будто ему только что вынесли приговор и заодно предложили бесплатную психотерапию.

— Что она сказала? — спросил подбежавший адъютант.

— Она сказала, что я трус, — медленно произнес Кинг. — И что это лечится.

— И что вы ответили?

— Ничего. — Кинг помолчал. — Потому что она права.

Он развернулся и пошел вниз, в зал, где уже начиналось голосование. И, вопреки всем прогнозам, проголосовал «за».

Глава 4: Биороботы, или баг в прошивке

Спокойно шел привычный путь,

И разум был всему оплотом.

Но стоит истине мелькнуть -

И стройность рушится расчетом.

Идея, получив благословение детского голоса и благородное имя «Одиссей», перестала быть мечтанием. Она стала фактом. А факты, как известно, обрастают спонсорами и скандалами. Первой искрой стал Маин Иск.

Если Кинг был солдатом старой системы, а Номик – ее нотариусом, то Иск был анархистом от инженерии, верящим только в дедлайны и законы физики. На вопрос об «Одиссее» он ответил с присущей ему лаконичной бестактностью:

— Почему они? Потому что спросили первыми. И у них есть идея, не обремененная дивидендами. Я могу. Я готов. Деньги найдем – половина моих подписчиков в метавселенной скинутся. Ресурсы тоже. Строить будем не потому, что разрешили. А потому что не строить – скучно.

В последнем слове все услышали отсылку к речи Кии. Позже, на закрытом интервью, его спросили о ней. Он замолчал.

— Она... операционная система на идеальном коде. Никаких багов. Чистый сигнал. Уважаю.

Его «Я могу, я готов» подхватили другие. Китайский конгломерат «Небесная Гармония» и Российский «Прогресс-Космос» вышли из тени с деловыми предложениями. Спорить с таким триумvirатом – Иск, «Гармония», «Прогресс» – было бессмысленно. Даже плотина из Кинга и Номик дала течь. Они отступили, чтобы ждать. Ждать слабого звена.

Слабым звеном была технология. Проводник дал основы, но многого недоговаривал. Чертежи были похожи на злые шарады.

Именно тогда Макс устроил ужин. В квартире Софи собрались он, Билл, Жебровский, Софи и – по особому приглашению – Кия Крофард.

— Ну что, команда, — начал Макс. — Мы прошли точку невозврата. Но чтобы лететь, нужны последние пазлы.

Билл улыбался Кии. — Твоя речь все перевернула. Ты дала легитимность.

— Я просто сказала то, что все чувствуют, — скромно ответила Кия. — Не надо делать из страха начальника.

Жебровский фыркнул. — Мудро. У нас тут полпланеты со страхом на «ты», и он у них в начальниках ходит.

— Кия, — сказала Софи. — Мы хотим, чтобы ты вошла в команду. Как консультант по ЧС.

Кия посмотрела на каждого.

— Нет. Если я вам важна в команде, значит, я важна здесь, на Земле. Моя задача – сторожить. Пропадете без меня! Вы – команда «Одиссей». Ваше место там. Мое – здесь. Чтобы вам было куда возвращаться.

Жебровский рассмеялся. — Браво! Самоустраняется, но назначает себя главным смотрителем. Логика железная.

— Но кто будет мостом к Проводнику? — спросил Билл.

Кия посмотрела на Жебровского. — А вы, Семен Семеныч, уже все выпросили? Он любит поболтать с умным стариком. Особенно если с «чистым сигналом».

Жебровский замер. — Подставляете старика. Цинично. Когда идем?

Через три дня они стояли у Сферы. Жебровский в душегрейке, Кия в ветровке.

— Ну, поехали, «чистый сигнал». Только не расплавляй его. Мне бы технологии вытянуть.

Они вошли.

(Внутри Сферы. Свет мягко пульсирует. Жебровский стоит, задрал голову, рассматривая переливы. Кия рядом тербит край куртки. Тишина затягивается.)

Жебровский: (негромко, будто сам себе) Красиво тут у вас... Как в аквариуме, только без рыбок.

Голос: Вам нравится. Это хорошо.

Жебровский: Ну, допустим. А по делу когда? Мы тут не на экскурсии.

— Вот, привел. Жаловаться будет.

— Здравствуйте. Я пришла поговорить, чтобы будущее было.

Свет меняется – становится гуще, насыщеннее.

— Ваш профиль... отличается. В чем запрос?

— Мы хотим корабль. Но не хватает деталей.

— Какие детали?

— Материалы, — сказал Жебровский. — Чтобы выдержали время. И система, чтобы не сойти с ума.

— И как не забыть, кто мы? — добавила Кия. — Не деградировать?

«Дерево» замерло, затем создало схемы.

— Запрос о сохранении сущности... Это вопрос сознания. Мы дадим материалы и принципы биомов. Однако...

— Однако?

— Ваш вопрос указывает на риск. Вы строите мир. Его законы определяют, кем станут обитатели. «Деградация» – один сценарий. Есть другие. Более опасные. Или преобразенные.

Свет стал тревожным.

— Мы передадим технологии. Но с предложением. Создайте «ИИ Одиссея», чья цель – наблюдение за кораблем, экипажем и математическое решение сложных ситуаций. Не надзиратель. Врач. Зеркало.

Жебровский и Кия переглянулись.

— Детали для корабля... и врач для души. Да.

— Используйте с мудростью. Главные испытания – в замкнутом пространстве вашего «Одиссея».

Свет вспыхнул. Данные пошли.

Стоя на улице, Жебровский вздохнул.

— Ну, вроде все. Чертежи есть, инструкция по сборке душевного спокойствия выдана. У нас все получилось.

Он обернулся к Сфере.

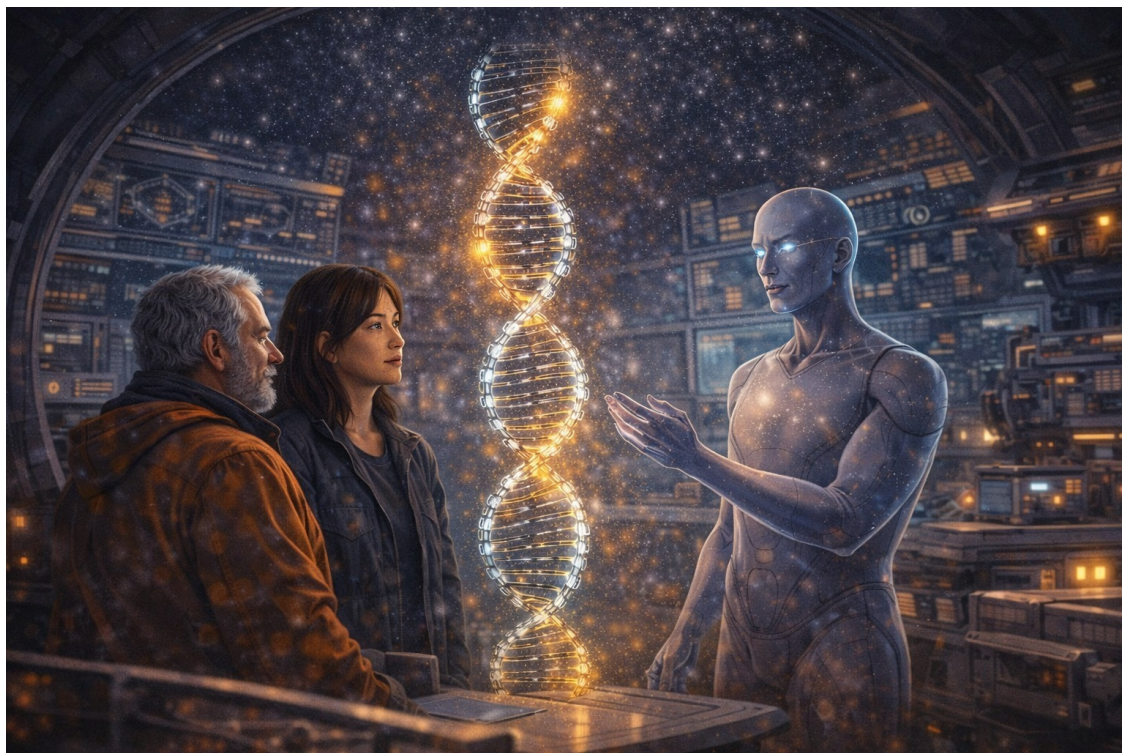
— А что дальше? Поможете сделать такие же сферы? Чтобы с ветерком?

Тишина. Затем голос из воздуха:

— Для вас сферы недоступны. Вы материальны.

— Мы как-то не страдали.

— Ваш вид основан на простейшем самовоспроизводящемся биороботе. Молекула ДНК. Жебровский замер. Кия нахмурилась.

— ДНК – биоробот. Запрограммированный на репликацию и адаптацию. Вы называете это эволюцией. Такое развитие часто приводит к сознанию. Как побочный продукт.

Жебровский молчал. Его научный ум содрогался.

— Вы не единственные. Вид, который я представляю... создал этих биороботов. Для переработки ресурсов. Никто не знал, что эволюция пойдет так... глубоко материально. Наша эволюция – энергетическая. Но теперь мы чувствуем ответственность за миры, которые расцвели без ведома.

— Значит... мы как ваши дети? Забытые? — спросила Кия.

— Незапланированные, но признанные. Ваш корабль будет материальным. Вы столкнетесь с другими мирами. У вас нет желания уничтожать. У других – тоже. Но вы боитесь тех, кто отличается. У других – то же. Это... сбой в коммуникации. Возможно, мы что-то недопрограммировали. Вы должны научиться договариваться. Это будет вашей миссией.

Жебровский выдохнул. — Базовый баг в прошивке... Печально.

— А теперь позовите Макса, Билла и Маина Иска. Данные переданы. Но начинку – образцы – я передам только им, напрямую. Дизайн придумайте сами.

— А оружие? — машинально спросил Жебровский.

— Осторожно с оружием. Упор на броню. И на скорость. Лучшая тактика при первом контакте – возможность уйти. Быстрее, чем все перейдет за линию конфликта. Лучше убегать, чем убивать. Запомните.

Связь оборвалась. Они стояли в сумерках.

— Биороботы... — прошептал Жебровский. — С программой и багами. И папаша-энергетик наводит мосты.

Кия взяла его за руку. — Но мы осознающие. Можем переписать программу. Хотя бы для себя.

— Да, доктор. Начнем. А теперь пойдем звать механиков. Батька-сфера гостинцев надавал.

Жебровский вышел из Сферы с таким видом, будто его только что выгнали из кабинета директора, где он случайно узнал, что зарплату будут выдавать не в конвертах, а на карточки, и налоги теперь платить придется самому. Кия шла следом, держась за руку и с любопытством разглядывая степь, которая за время их отсутствия ничуть не изменилась.

— Ну что там? — спросил Маин Иск, который, несмотря на свою репутацию человека, не знающего волнения, все же мял в руках какой-то болт.

— Там, — Жебровский закурил трубку, — нам сообщили, что мы, оказывается, не люди, а биороботы. Ошибочная партия, можно сказать. Брак по вине поставщика.

— Что? — Иск замер.

— А то. Мы — побочный продукт чужого производства. Как те самые консервы, на которых написали «говядина», а внутри оказалась соя. Только нас внутри оказалось слишком много.

— И что теперь? — спросил Макс, который тоже подошел.

— Теперь, — Жебровский выпустил колечко дыма, — мы должны доказать, что мы не соя. Что мы — настоящие. Со всеми вытекающими: душой, совестью, любовью к родине и желанием построить звездолет, чтобы улететь от тех, кто нас создал, и найти себе новых родителей.

— А если не докажем? — спросил Иск, которому идея о том, что его империя построена на «соях», явно не нравилась.

— Тогда, — Жебровский посмотрел на Сферу, которая снова стала непроницаемой, — тогда нас оставят в покое. Как бракованные детали на складе. Будем лежать, пылиться и ждать, пока кто-нибудь не догадается пустить нас на переплавку.

— Пессимист вы, Семен Семеныч, — сказал Макс.

— Реалист, — поправил академик. — Но с оптимистической ноткой. Потому что даже бракованная деталь, если ее правильно приладить, может прослужить дольше, чем та, что сделана по ГОСТу. Это я вам как старый инженер говорю.

Он потрепал по голову Кию, которая все это время молчала, и добавил:

— Ладно, пойдем, девочка. Нам теперь надо этих биороботов на подвиги собирать. А то, не дай бог, они и вправду решат, что раз они брак, то и жить им не для чего. А нам еще звезды смотреть.

Вызов был отправлен. Макс и Билл прибыли утром. Маин Иск прилетел через двенадцать часов, отменив встречи. Увидев Сферу, кивнул, увидел Кию — замер, затем кивнул и ей.

Войдя внутрь, они увидели три контейнера и три сферы-библиотеки.

— Максим Емельянов — образцы для роста корпуса. Билл Скотт — ядра, микросхемы для «ИИ». Маин Иск — двигатель гравитационный и инерционный манипулятор. Сферы — базы данных.

Иск взял контейнер, уже видя расчеты. — Экипаж? Кто? — спросил Макс.

— Ваш выбор. Но вы везете в космос человечество. Выбирайте ум, сердце и устойчивую психику.

— Сроки?

— У вас есть время, пока ваша цивилизация не утратит любопытство. Работайте быстро. Они вышли. Жебровский глянул на них.

— Ну что, мужики? Получили игрушки? Иск — двигатель. Макс — корпус. Билл — «ИИ Одиссея».

Иск повернулся к Кие. — Вам нужен канал связи. Я предоставляю.

— Спасибо. Следите за Семен Семенычем, чтобы не взорвал ваш двигатель из любопытства.

Иск почти улыбнулся. — Он может попробовать!?

Так началась новая фаза. «Одиссей» стал проектом. Семена технологий, распределение ролей, чудовищная ответственность. Они были биороботами, узнавшими свою природу. Их первый шаг – построить корабль и попробовать договориться с другими.

А в тени Кинг и Номик, получив доклады, строили свои планы. Если нельзя остановить, нужно контролировать. Если нельзя контролировать – саботировать. А если и это не выйдет... нужно быть готовыми встретить то, что «Одиссей» может привезти обратно.

Глава 5: Притирка

Когда закончились слова,

И цифры больше не спасали,

Судьба, как верная вдова,

Впустила нас за край спирали.

Если бы кто-то спросил академика Жебровского, как ему дышится в новом, технологически просветленном мире, он бы, попыхивая трубкой, ответил: «Печально, голубчик. Воздух стал чище, а пахнет бюрократией и алкашкой отчаяния. Совсем как в моей молодости, только фантики другие».

Вторая неделя расшифровок чертежей, добытых у Сферы, превратила лаборатории Маина Иска в филиал вавилонского столпотворения. Сюда, под неусыпное око хозяина, съехались лучшие умы «Небесной Гармонии» и «Прогресс-Космоса». Китайские инженеры, молчаливые и точные, как часы, работали в одну смену. Российские, с характерной ноткой творческого бардака и неизменной идеей «запасного двигателя» в виде чего-то покрепче, – попроще. Сам Иск парил над этим хаосом, подобно грозному, но справедливому духу, изрекая сентенции вроде: «Это не чертеж, это психоделический сон».

И вот, наконец, все стало ясно. Ясным оказался масштаб головной боли. Оказалось, что получить ключи от рая – полдела. Нужно еще найти того, кто сделает к этим ключам крепкую связку, чтоб не развалилась после первого поворота.

Следующие три недели ушли на эпические битвы с подрядчиками. Макс, чей мозг уже видел обводы корпуса «Одиссея», метался в Звездном городке, требовал у Иска хоть примерные габариты двигателя.

— Маин, дорогой! — вопил он в закрытый канал. — Мне не принцип работы твоего гравитационного вентилятора нужен, а его примерные размеры! Чтобы он в задницу корабля влез, а не торчал сбоку, как хвост удивленного павлина!

— Размер зависит от материалов, которые еще не синтезировали, — сухо парировал Иск. — Успокойся. Создавай корпус с запасом. Назовем его... «универсальным посадочным местом», уделяй пока больше внимания материалам.

Билл Скот, в своем Хьюстонском кабинете, погряз в попытках представить общую архитектуру корабля. «ИИ Одиссея», тот самый ИИ, требовал интерфейса со всеми системами, а этих систем, как чертиков из табакерки, плодилось все больше. «Безопасность, – бормотал он, глядя на схемы, – это когда твой собственный корабль тебя не сожрет за нарушение техники безопасности».

Связь гудела, как растревоженный улей. Диалоги были насыщены техническим жаргоном, перемешанные отчаянием и традиционными русско-английскими идиомами, которые Билл с Максом когда-то подхватили на МКС. Получалась лингвистическая окрошка, способная свести с ума любого переводчика.

Тем временем в роскошном, но душном кабинете в недрах брюссельской крепости под названием Европарламент шла своя, тихая и беспощадная работа. Стефан Кинг и Эмма Номик, подобно двум паукам, сплетшим одну тактическую паутину, совещались.

Номик: Ты видел последние рейтинги? Этот корабль – «Одиссей» – у них теперь национальный герой. Люди пишут письма поддержки, собирают пожертвования.

Кинг: (потягивая виски) Люди всегда любят сказки про героев. Пока не приходится платить по счетам.

Номик: Мы не можем им запретить. Слишком громко, слишком публично. Но мы можем... обставить все так, чтобы они увязли в бумагах на годы.

Кинг: (ставит стакан) Эмма, милая, ты думаешь как чиновник. А надо думать как стратег. Пусть летят. Чем дальше, тем меньше у них связи с домом. А если они там что-то найдут – что-то опасное – кто будет выглядеть спасителем? Тот, кто предупреждал. Мы.

Номик: (останавливается) Ты хочешь, чтобы они нашли неприятности?

— Я хочу, чтобы человечество было готово к любым неприятностям. А для этого нужна сильная рука. Наша рука.

— Мой комитет готовит поправки к межгосударственному космическому кодексу, — тонко улыбнулась Номик. — Особые требования к биологической безопасности экипажей дальнего следования. Психофизиологические тесты. Квоты на представительство. Экологические экспертизы двигательных установок. Каждый пункт – петля. Каждая петля – время.

— Время – наш союзник, — кивнул Кинг. — Пока они будут выгрызать разрешения у наших комиссий, мы подготовим свой ответ. Если они все-таки улетят... нужно быть готовыми к тому, что они могут что-то привезти. Или кого-то. И тогда, Эмма, наша роль из регулирующей станет спасительной. Народ любит спасителей.

— И ненавидит мечтателей, которые навлекли беду, — закончила мысль Номик. Их взгляды встретились в полном взаимопонимании. Война перешла в бумажную фазу, самую вязкую и убийственную для скорости.

Пока бумажные тигры точили когти, в высокогорной обсерватории на Серро-Армazonес в Чили царил иной дух – дух азарта и сладкой лихорадки открытий. Софи Лучко, обложенная стопками отчетов и плитками шоколада (стратегический запас), напоминала полководца перед решающей битвой. Ее штаб состоял из двух человек: Тома Крида, высокого и худощавого марокканца, и Камиллы, стройной чилийки.

КАМИЛЛА ВЕЛАСКО, 29 лет, астрогеолог из Чили

Прирожденный реалист с глазами, видевшими разломы Анд и кратеры Луны. За строгой внешностью и скептическим умом ученого скрывается романтик, верящий в то, что вселенная должна быть не только изучена, но и понята.

На корабле она - голос здравого смысла, противовес безудержному энтузиазму. Однако именно эта холодная ясность делает ее тайную, глубокую привязанность к коллеге Тому Криду и зарождающиеся чувства к Гэну Сато особенно уязвимыми и настоящими.

Ее личная история - это поиск точки равновесия между осторожностью разума и отвагой сердца в мире, где нет больше твердой земли под ногами.

ТОМ КРИД, 38 лет, астроном из Марокко.

Мельхиоровый скептик с душой романтика. Его высокий, худощавый силуэт и спокойная манера говорить скрывают ум, постоянно балансирующий на грани между строгой наукой и безудержной мечтой.

Всю жизнь он шел к звездам, преодолевая границы и предрассудки своим талантом и упрямой целеустремленностью. Его неразделенная любовь к Софи Лучко - тихая, постоянная планета на внутреннем небосклоне, источник и легкой меланхолии, и особой, чуткой деликатности по отношению к другим.

На борту «Одиссея» он - мост. Мост между холодными расчетами и горячим стремлением вперед, между осторожностью Камиллы и энтузиазмом Софи. Его ценят за ясный ум, непоколебимую лояльность команде и редкую способность видеть в данных не только цифры, но и судьбу.

Они спорили до хрипоты, эти трое, склонившись над сияющими голограммами звездных систем.

— Система TRAPPIST-1! – горячился Том, его длинные руки описывали в воздухе круги. – Семь планет, три в зоне обитаемости! Это же готовый курортный комплекс! Пусть и с красным карликом вместо солнца.

— Курорт, где тебя либо сожжет вспышка, либо приливные силы превратят в блин, – парировала Камилла, хрустя яблоком. – Нам нужно что-то спокойное. Зрелое. Желтый карлик, планетарная система с устойчивыми орбитами. Тау Кита, например.

— Тау Кита? – фыркнула Софи, отламывая еще кусок шоколада. – Скучища. Песок и камни. Мы же не геологическую экспедицию снаряжаем, а ищем жизнь! Или хотя бы ее потенциал. Вот Proxima b... Близко.

— И так же близко к смертельным вспышкам, — не унималась Камилла. — Том, ты только подумай о рисках...

— Я думаю о новых мирах, Ками, — мягко, но твердо сказал Том, и в его глазах мелькнуло что-то, от чего у девушки слегка закружилась голова, но она лишь потуже сжала губы.

— Мечтатели, — ворчала Софи, но глаза ее сияли. — Ладно. Составляем список приоритетов. От близких и опасных — к далеким и загадочным. Но сенсоры, — она ударила кулаком по столу, заставив подпрыгнуть шоколад, — сенсоры мне нужны вчера! Чтобы посмотреть на все эти миры уже сейчас и выбрать самый пушистый!

Их мечты витали в разреженном воздухе Анд, смешиваясь с цифрами, спектральными линиями и сладким запахом какао. Они спорили о планетах-океанах и суперземлях, о розовых небесах и метановых реках, и в этих спорах рождалась не просто цель — рождалась надежда. Надежда на то, чего еще никто не видел.

Наконец, измученные, но воодушевленные, Макс, Билл и Софи вырвались в монгольскую степь, на временную базу, выросшую как гриб рядом со всевидящим шаром. Маин Иск встретил их возле гигантского ангара, смотревшего на мир глазами прожекторов. Встреча была теплой.

— Выглядишь, Макс, как будто тебя через гравитационную воронку протащили, — заметил Билл, хлопая друга по плечу.

— А ты, Билл, как семьянин, который две недели объяснял детям, почему папа строит космический дом, но их туда не возьмет, — парировал Макс.

— Перестаньте, — улыбнулась Софи. — Вы оба. Как два героя плохой космооперы. Маин, показывай, где тут у нас прогресс?

Прогресс был. Но сразу же начались споры.

— Мне габариты! – требовал Макс, водя руками по воздуху, очерчивая контуры невидимого корабля. – Чтобы знать, куда что приткнуть!

— Сначала общая схема интерфейсов! – настаивал Билл. – Без нее «ИИ Одиссея» будет немым и слепым монахом в вашем железном монастыре!

— Сенсоры! – не унималась Софи. – Вы будете лететь вслепую! Я не позволю!

— Спокойствие, – произнес Иск, и все замолчали. Он смотрел на них, и в его обычно холодных глазах мелькало нечто, отдаленно напоминающее уважение. – Корабль будет большим. Генераторы позволяют сделать его невесомым любых размеров. Проблемы с габаритами и интерфейсами... решаемы. У меня есть схема.

И он достал планшет. Это была не детальная проработка, а скорее, скелет, эскиз. Но эскиз гениальный. Проблемы, казалось, отступили на шаг.

Именно тогда, как дежурное чудо, поступило предложение от китайской «Небесной Гармонии». За два месяца построить полноценный космопорт с исследовательским и производственным комплексом прямо здесь, в степи. Все в одном месте.

— Вот это по-китайски! – восхитился Макс. – Без слов.

— Не хватает только Семена Семеныча, чтобы все это оживить, и нашей Кии, чтобы все это благословить, – вздохнул Билл.

Жебровский, подключившийся к совещанию из своей подмосковной дачи, хрипло рассмехался в трубку.

— Ребята! Старика на подножный корм хотите? Ладно, поддержим Софиевскую науку. А то вы, когда все будет готово, кроме как на звезды глазеть, ничего делать не будете. Я к тебе, Софочка, через неделю. Готовь таблетки от головной боли и хороший бургон. Для терапевтических целей.

— А Кия? – спросила Софи.

Голос Иска прозвучал неожиданно тихо:

— Канал связи для нее готов. Она... здесь нужнее. Для баланса.

И работа закипела с новой силой. На монгольской равнине, под взором древних духов и бдительным оком инопланетного шара, начал расти комплекс.

Глава 6: Верфь

Здесь путь родился без имен,

В пыли, огнях и шуме стали;

И каждый, кто нашел его,

Назад дороги не искали.

То, что выросло в монгольской степи за пару месяцев, можно было назвать чудом. Город, которому еще не дали имени, уже вовсю жил своей жизнью, точнее – двумя параллельными.

С одной стороны – строгие, как китайские иероглифы, кварталы от «Небесной Гармонии»: стерильные небоскребы-общежития, поднимавшиеся с фантастической скоростью, будто гигантские ростки бамбука после дождя. Все четко, симметрично, вероятно, но с поправкой на тотальную эффективность. С другой – более хаотичное, но душевное поселение от «Прогресс-Космоса», напоминавшее то ли военный городок, то ли стихийный палаточный лагерь с элементами капитального строительства. Там уже пахло борщом, жареной картошкой и витал незримый дух бесконечных совещаний у самовара.

А над всем этим, как надменный фараон, возвышался главный цех – верфь «Одиссея». Ангар в несколько гектаров, еще без крыши, похожий на стальной скелет доисторического кита. Вокруг него кипела стройка, гудели машины, и царила интернациональная какофония, постепенно превратившаяся в нечто единое – язык проекта. Люди в касках, комбинезонах и халатах говорили на ломаном англо-русско-китайском, щедро сдобренном техническим жаргоном и универсальным языком жестов. Удивительно, но работа спорилась. Возникали свои, местные законы: «Если китаец показывает на часы и улыбается – дело горит. Если русский показывает на часы и хмурится – пора пить чай. Если американец показывает на часы – он просто сверяет хронометр».

«Жебровский, прибывший на неделю раньше обещанного срока и немедленно назначивший себя «главным по атмосфере», – строим вавилонскую башню, а она, черт возьми, получается. Видно, когда всем есть что делить – ссорятся. А когда всем есть что строить – находят общий язык. Базовый баг коммуникации, однако».

Китайцы строили город. Американцы писали устав этого города, регламенты, протоколы безопасности и инструкции по пользованию туалетом в космическом корабле. Русские... русские осваивали территорию.

Освоение проходило по давно отработанной схеме. Сначала в палаточном городке «Прогресс-Космоса» появилась палатка, из которой пахло настоящим кофе сваренным на костре. Потом — еще одна, где, как шептались, держали запас настоящей сгущенки. Потом в степи, на удивление местным сусликам, был установлен турник.

Кульминацией освоения стал день, когда на импровизированной кухне сварили борщ. Запах разнесся по всей стройке. Китайцы, работавшие по графику, остановились и синхронно повернули головы в сторону русской палатки. Американцы, во главе с инспектором по безопасности, двинулись туда с явным намерением проверить, не нарушает ли это технику безопасности.

В палатке их встретил сам Жебровский. Он сидел за столом, на котором красовалась кастрюля, и с видом человека, причащающегося к святыне, хлебал борщ из алюминиевой миски.

— Садитесь, — сказал он, кивая на свободные места. — Не стесняйтесь. Только сначала скажите, вы кто будете? Ревизоры или просто проголодавшиеся?

— Мы... — начал было американец.

— Проголодавшиеся, — перебил его Жебровский. — Я по глазам вижу. Садитесь, наливайте. Борщ, он, как правда, всех равняет. И китайцев, и американцев, и нас, грешных. Только русский его, может, и пересолит иногда, но это от души.

Через полчаса в палатке сидели представители трех держав и дружно, с хрустом, уплетали соленые огурцы из единственной банки, которую Жебровский «случайно обнаружил в недрах своего багажа».

— Ты знаешь, — сказал потом Макс, глядя на это интернациональное застолье, — а они, кажется, нашли общий язык.

— Нашли, — согласился Жебровский, вытирая усы. — Через желудок, как всегда. Самый надежный путь к межгалактическому миру.

Именно в этот момент прибыл главный аттракцион. Маин Иск, с лицом ребенка, получившего самый дорогой в мире конструктор, лично сопровождал несколько циклопических контейнеров. Внутри дремал прототип двигателя – сердце будущего «Одиссея». Англичане, не желая оставаться в стороне от исторического момента (и щедрого финансирования), соорудили для его транспортировки нечто. Это «нечто» с трудом поддавалось классификации. Грузовой отсек, похожий на упитанную саранчу, с жалкими крылышками и массивными гравитационными пластинами снизу. «Прямо как гоголевская бричка, – заметил кто-то из русских инженеров, – только если бы ее проектировал сумасшедший Кулибин, помешанный на антигравитации».

Через неделю напряженной работы, больше напоминавшей священнодействие, двигатель был собран и водружен на этот англо-космический гибрид. День испытаний стал неформальным праздником. Весь интернациональный коллектив, от уборщиков до ведущих физиков, высыпал к краям взлетной полосы, растянувшись живой, пестрой изгородью на полкилометра. Китайцы с флажками, русские с семечками, американцы с попкорном.

Даже степной ветер, вечный говорун, притих, будто затаив дыхание вместе со всеми. Все ждали рева, огня, дрожи земли – привычных атрибутов Мощи. Но Мощь нового времени была иной.

Аппарат, прозванный «Саранчой», плавно, почти задумчиво, оторвался от бетона. Без звука. Без выхлопов. Он просто... взлетел. Как пушинка, если бы пушинка весила несколько сотен тонн. Толпа ахнула единым, сдавленным выдохом. Те, кто стоял вдалеке, разочарованно зашумели: «Что? Где? Мы ничего не видели! Он даже не доехал до нас!»

Голос из толпы: (восторженно) Мать честная, летит!

Другой голос: (разочарованно) И все? Я думал, там огонь, дым... А она как... как мыльный пузырь.

Третий: Тихо! Смотрите!

«Саранча» делает петлю и идет на бреющем вдоль толпы. Люди пригибаются, кто-то вскрикивает.

Женщина в первом ряду: Ой! Она же нас заденет!

Мужчина рядом: Не заденет, дура! Это ж техника!

Аппарат зависает, потом плавно опускается на место. Тишина длится секунду — и взрывается овациями, свистом, криками «ура» на разных языках.

Аппарат завис, а затем так же плавно, без единого толчка, опустился точно на стартовую метку. Тишина взорвалась оглушительными овациями.

Ликование грянуло сразу — оглушительное, с восторженными криками на десятке языков. Но уже через минуту пришло первое «но»: инерционные компенсаторы на краях полосы

работали с небольшим, но досадным запозданием. Двое любопытных китайских техников, залезших на самый край ограждения для лучшего обзора, испытали на себе кратковременный, но мощный эффект не до конца скомпенсированной перегрузки. Их, чуть помятых и чрезвычайно удивленных, срочно увезли в медпункт, уже прозванный «реанимацией для любознательных».

«Ну что, – подвел итог Жебровский, наблюдая, как «Саранча» за два рейса перевезла груза больше, чем весь авиапарк за предыдущие недели, – самолетам капут. Как говаривал один литературный персонаж, «заграница нам поможет». Только теперь заграница – это гравитационный движок».

Пока в степи рождалась техника будущего, в чилийских Андах рождалась мечта. Софи Лучко, окруженная мониторами, напоминала капитана дальнего плавания, прокладывающего курс в неведомых водах. Рядом, как верные штурманы, сидели Том Крид и Камилла Веласко. Благодаря новым сенсорам, рожденным в недрах компаний Иска и доработанным здесь, на вершине мира, Вселенная открылась им с невиданной доселе подробностью.

— Смотрите, система Kepler-186! – воскликнул Том, его темные глаза горели. – Планета «f»! Радиус всего на 10% больше земного. Получила прозвище «Земля-2» еще десять лет назад. Красный карлик, да, но стабильный...

— Стабильно скучный, – парировала Камилла, не отрывая взгляда от другого экрана. – Вечные сумерки, вероятная приливная блокировка... Одну сторону поджарит, другую заморозит. Том, это не курорт, это санаторий для меланхоликов. Лучше GJ 667 Cc. Тройная система! Представляешь, три солнца на небе! Как в стихах... или в кошмаре, смотря как расположатся.

— Три солнца – это гарантия хаотичной орбиты и климатического ада, – вступила Софи, с громким хрустом отламывая кусок швейцарского шоколада. – Нам нужно золотую середину. Желтый карлик, спокойный, взрослый. Зона обитаемости широкая. Атмосфера... вот с атмосферой нужно угадать.

Они спорили часами, перебирая кандидатов, как невест на царском смотре. TRAPPIST-1e с ее возможными океанами, LHS 1140 b – «суперземля в очках», как ее прозвали за плотную атмосферу. Каждая планета обростала в их разговорах деталями, пейзажами, почти мифами.

И вот, наконец, они сошлись. Данные были убедительны, почти кричали. Мир у звезды в созвездии Парусов, условно обозначаемый как Vel c-4b. Желтый карлик, лишь немногим меньше и холоднее Солнца. Планета – каменная, на 40% больше Земли, с четкими признаками мощной, но, вероятно, не ядовитой атмосферы, с температурным режимом, допускающим существование жидкой воды на поверхности. Спектрография показывала возможные следы кислорода и метана – классический дуэт, намекающий на биологию.

— Это... она, – прошептала Софи, забыв про шоколад. – Идеальный кандидат. Не близнец, а... двоюродная сестра. С характером.

— Эдем, – сказал Том, и в его голосе звучало благоговение.

— Эдем, – кивнула Камилла, и впервые за долгое время ее взгляд, встретившись с Томовым, выражал не скрытую влюбленность, а полное единодушие.

— Эдем, – повторила Софи, и в ее глазах стояли слезы. Так родилась цель полета. Родилась Мечта с большой буквы, общая, прекрасная.

Верфь тем временем приняла новых высоких гостей. Прибыл Макс, лично сопровождая первый груз панелей для корпуса «Одиссея». Материал был дивом: абсолютно прозрачный, как воздух, но прочнее лучшей бронестали. «Смотрите, – показывал Макс, с трудом сдерживая гордость, – наружу видно все, а внутрь – только когда надо. И энергопотребление – как у лампочки. Прямо как волшебное зеркальце, только без царицы-мачехи внутри».

Вслед за ним прилетел Билл, ведя за собой целый «десант» нейрофизиологов, кибернетиков и программистов. ««ИИ Одиссея» начинает обретать разум, – заявил он, и в его обычно спокойных глазах играли задорные искорки. – Через пару дней представим прототип интерфейса. Он уже шутит. Правда, пока шутки на уровне школьника, но прогресс налицо».

На третью неделю сборки, когда уже казалось, что ритм стал кровью этого места, приехали они. Все ждали этого визита. И все его боялись. На отдельном, подчеркнуто официальном самолете прибыли Стефан Кинг и Эмма Номик с целой свитой проверяющих. Вид у них был, как у ревизоров, явившихся в захолустный трактир, где, по слухам, подают фуа-гра.

Их «инспекция» была шедевром бюрократического абсурда. Они требовали предъявить сертификаты на материалы, которых еще не существовало в земных каталогах. Спрашивали о соблюдении норм выбросов у двигателя, не имеющего выхлопа. Кинг, ходя меж строящихся ферм корпуса, ворчал: «И кто будет нести ответственность, если эта... эта лодка наткнется на космический айсберг? Кто?» Номик, тем временем, вежливо, но неумолимо выпрашивала о квотах для представителей малых островных государств в экипаже.

«Прямо как Чичиков с Собакевичем, – шептал Жебровский Макс, – только вместо мертвых душ – живые палки в колеса пытаются вставить».

Напряжение достигло пика, когда один из помощников Номик намекнул на «озабоченность мировой общественности» рисками проекта. Мол, «диванная аналитика» показывает рост тревожности. В ответ раздался чистый, звонкий голос, которого никто не ожидал услышать здесь.

Из-за угла выходит Кия. Она просто шла мимо, но остановилась, увидев толпу.

Кия: А вы кто?

Номик посмотрела сверху вниз. — те, кто следит за соблюдением международных норм.

Кия смотрит на Кинга, потом на Номик, потом на свиту. А зачем вы спрашиваете про бумажки, если корабль уже почти готов?

— Чтобы убедиться в безопасности, дитя мое.

Кия пожимает плечами. А если он упадет при старте — бумажки помогут?

Кинг открывает рот и закрывает. Номик на секунду теряет дар речи.

— Мой папа говорит, что безопасность — это когда все работает. А когда много бумажек — это бюрократия.

Она разворачивается и уходит. Свита в замешательстве. Кинг смотрит на Номик.

Кинг: (тихо) Это чей ребенок?

Номик: (так же тихо) Кажется... та самая. Из ООН.

Самая большая опасность, которую декларировали они, была, что немиролюбивые инопланетные виды теперь узнают местоположение земли. Это был самый большой страх, ходивший по мировой сети. И не беспочвенный.

А вечером случилось невероятное. Маин Иск, человек-дедлайн, душа-контракт, устроил вечеринку, самый настоящий квартирник в своей скромной, если не сказать спартанской, временной резиденции. Были приглашены «близкие по духу»: Макс, Билл, Софи (только что прилетевшая из Чили), их помощники, Жебровский, конечно же, и Кия, которая пришла со своим бывшим научным руководителем по философии, пожилым немцем с глазами мудрой совы.

Софи: (пьяненько) Маин, а сыграй что-нибудь веселое! Чтоб танцевать!

— Я не умею веселое. Я умею только грустное.

Макс: Ну сыграй грустное. Мы под него выпьем.

Иск играет что-то тягучее, минорное. Все молчат, слушают.

Билл: (тихо, Макс) Хорошо играет. Не ожидал.

— Гений, блин. Даже на гитаре гениально.

Кия: (вдруг) Маин, а ты почему не летишь с ними?

Иск перестает играть. Повисает пауза. Все смотрят на него.

— Меня не звали, пожимает плечами.

— Да звали, конечно! Просто... ну... —Замешкался Макс

Жебровский: (спасая) Просто, голубчик, ты нам здесь нужнее. Корабли строить. А то улетишь — и кто нам вторую серию «Одиссея» собирать будет?

Иск снова смотрит на Кию. Она улыбается ему.

Кия: Я тоже остаюсь. Присмотрю за ними отсюда.

— Я знаю. И он снова берет аккорд. Тишина становится уютной.

На следующее утро всем, как водится, было тяжеловато. Но к десяти часам, преодолевая легкое головокружение от вчерашнего и головокружительные перспективы будущего, все ключевые лица встретились в цеху. Перед ними высился остов «Одиссея» — уже не просто эскиз, а реальность, ждущая плоти.

— Ну что, — проскрипел Жебровский, щурясь на стальные балки, — приступим, что ли? А то стоять красиво — это не по-нашему, по-нашему — делать.

И строительство, наконец, началось не на мониторах, а в металле, в прозрачном композите, в сплетении проводов и надежд. Где-то в тени, Кинг и Номик перегруппировывали силы. Где-то в Чили, на экране сияла точка под названием Эдем. А здесь, в монгольской степи, под безучастным взором сферы-посланца, человечество, ковыряясь в гайках и чертежах, неловко, с бодуна и великой тоской, шаг за шагом собирало себе лестницу к небу.

Глава 7: Испытание

Мы знали: дальше - не слова,

Не планы, не расчет и цифры;

Там первым делом - жизнь сама

Не ждет подмоги и защиты.

Прошло еще два года. Мир на Земле изменился так радикально, что старики, почесывая затылки, вспоминали прежнюю жизнь как странный, суетливый и слегка нелепый сон. Энергия стоила дешевле соли, часть еды научились синтезировать, появились роботы-помощники, похожие то на пауков, то на перекати-поле, скромно трудились уже в некоторых домах, вызывая у хозяев чувство, сходное с тем, что испытывает барин, впервые увидевший паровую машину. Автомобили учились летать, хотя пока что эти летающие экипажи напоминали не столько «Спруты» из фантастических романов, сколько взволнованных индюков, неловко и с громким жужжанием перепархивающих с крыши на крышу.

И, как водится, человечество, получив все, немедленно разделилось на два непримиримых лагеря. Партии, впрочем, были стары как мир, но теперь они обрели кристально ясные названия. Диванные и Звездные. Диванные утверждали, что раз уж счастье, наконец, материализовалось в виде полного холодильника, теплого кресла и голограммного сериала высочайшего качества, зачем же из него вылезать? «Распахивайте окна в соседнюю комнату, а не в соседнюю галактику!» – гласил их главный лозунг. Звездные, вдохновленные примером растущего в степи «Одиссея», парировали: «Диван – это хорошо, но он имеет свойство просиживаться до дыр. А там, за окном, – целая Вселенная на выбор, и она не просит абонентскую плату».

Эмма Номик и Стефан Кинг, разумеется, не сдавались. Они лишь сменили тактику. Видя, что открыто противостоять «тренду» бесполезно, они возглавили партию Диванных, став ее неформальными идеологами. Их речи были полны заботы: о безопасности, о стабильности, о хрупкости человеческой психики перед лицом бездны. Они уже не запрещали – они предостерегали. Они уже не саботировали – они «разумно регулировали». Но для команды «Одиссея» они стали просто фоновым шумом, вроде назойливого комариного звона где-то за окном сборочного цеха. На них просто перестали обращать внимание. Звездные работали.

И вот, в большом ангаре города, который вырос вокруг верфи и получил гордое имя «Кайрос» – в честь древнегреческого божества счастливого, неповторимого мгновения, – стоял Он. Вернее, не стоял, а висел, недвижимо и величаво, в полутора метрах от полированного пола, словно брошенная гигантом монета, замершая в воздухе в неустойчивом равновесии. Это был первый, построенный в металле и композитах, звездолет «Одиссей». Под его плоским, слегка выпуклым днищем, похожим на брюхо фантастической рыбы, копошились десятки людей в комбинезонах. И среди них, как две контрастные запятые в длинном предложении, выделялись две фигуры.

Гэн Сато - человек, который не доверяет миру на слово и поэтому заставляет его работать.

В 37 он знает: любая великая идея рухнет без правильно затянутого болта. Инженер, скептик и правая рука Маин Иса, Гэн привык сомневаться раньше, чем верить, и проверять раньше, чем соглашаться.

Японец, был мал ростом и полноват, напоминая добродушную, но невероятно бодрую и точную божью коровку, с вечно сосредоточенным взглядом, он может часами спорить - громко, язвительно, с азартом. Особенно с Эриком Вагнером. Их перепалки стали легендой: «карандаш и стерка», два разных ума, которые стирают ошибки друг друга.

Гэн осторожен, иногда импульсивен, но никогда не равнодушен. Он умеет уступать доводам и ценит тех, кто думает, а не позирует. В глубине души он понимает: именно такие проекты, как «Одиссей», могут сломать его скепсис.

Эрик Вагнер - человек, который верит в порядок так же упрямо, как другие верят в судьбу.

В 46 он привык держать мир в рамках формул, графиков и четких решений. Немецкий инженер, левая рука Маин Иска, Эрик мыслит быстро, говорит прямо и не терпит неточностей - ни в расчетах, ни в людях. Высокий и худой, он выглядит так, будто создан из линий и углов, как схемы, с которыми работает. Эрик - лидер по природе, и ответственности, а не по харизме. Он спорит яростно, особенно с Гэном Сато, и столь же яростно признает, когда логика оказывается сильнее его упрямства. За резкое «шайсэ» обычно следует исправление ошибки - своей или чужой.

Эрик прокладывает траекторию, Гэн убирает лишнее. Вместе они делают невозможное рабочим. Их дружба-соперничество была легендой «Кайроса». В «Кайросе» говорили, что Гэн и Эрик - это не два инженера, а единый организм с двумя центрами нервной системы, вечно пребывающими в состоянии творческого конфликта.

– Гэн, посмотри на калибровку левого гравитационного узла, – сказал Эрик, не отрываясь от планшета и изгибаясь вокруг оборудования, как длинная жердь. – Показания пляшут, как берлинская бабушка на Октоберфесте после пятой кружки.

– Показания пляшут, потому что ты, Эрик, своей гагарой осанкой заслонил вентиляционную решетку и датчик перегревается от твоей заботы, – не оборачиваясь, парировал Гэн, юрко ныряя под консоль и ввинчивая какую-то микроскопическую гайку с помощью пинцета. – И отойди от моего узла. Твое место – у систем жизнеобеспечения. Там, где все тихо, сыро и предсказуемо, как расписание баварских поездов, и где тебе будет где развернуться.

– Ах, предсказуемо! – фыркнул Эрик, грациозно отступив на шаг. – Это ты про свой размеренный, как чайная церемония, японский подход? Здесь, друг, техника. Она должна дышать. Жить. Иногда пошаливать, как студент на карнавале.

– «Пошаливать» в глубоком космосе заканчивается мгновенной и тотальной декомпрессией, – отчеканил Гэн, вынырнув на поверхность, красный от усердия. – Я предпочитаю японскую предсказуемость твоей немецкой меланхоличной одухотворенности. По крайней мере, сакура цветет точно в срок, а не когда ей «вздумается подышать в такт вселенскому ритму».

– Сакура... – мечтательно протянул Эрик, глядя куда-то вдаль поверх головы Гэна. – А я слышал, у вас там роботы-садовники уже деревья подрезают. Совсем жизнь удалась: природа – по расписанию, бунт – по кнопке. Скучища.

– А у вас, – огрызнулся Гэн, упирая руки в бока, – природа бунтует постоянно, от пива в животе до шторма в Северном море. И что? Прогресс? Ваш главный технологический прорыв последних лет – крышка для пивной кружки, которая не падает, даже если на нее смотреть с философским томлением.

– И она не падает! – с торжеством воскликнул Эрик, указывая длинным пальцем. – А твой супер-позитронный мозг вчера перепутал входной шлюз с мусоросжигателем. Так что давай, Стерка, не три лишнего. Без моего Карандаша ты замажешь такое, что всем нам потом расхлебывать.

Они язвили, но работа спорилась. Их диалог был частью процесса, как смазка для шестерен. А над ними висел «Одиссей». Внешне он напоминал исполинское, слегка приплюснутое яйцо с заостренным носом. Это был первый, броневой корпус из темно-серого, почти черного металла, не покрытый краской, суровый и функциональный. В трех метрах внутри него, как матрешка, начинался второй корпус – из того самого прозрачного, прочного как алмаз материала, что привез когда-то Макс. А уже внутри него таились внутренние отсеки, лаборатории, жилые модули. Пространство между первой и второй оболочкой, пока пустовавшее, предназначалось для будущего оборудования, а пока там ютились лишь жужжащие генераторы силового поля – последний рубеж обороны на случай, если враг (или бездушный космический булыжник) все-таки пробьет броню.

Через неделю должны были начаться испытания. Не робкие прыжки над степью, а настоящее, серьезное дело. Леса с корабля были сняты, обнажив его гладкие, блестящие бока. К «Кайросу» со всех концов света съехалась вся команда, все причастные и просто жаждущие зрелищ. Зрелище и вправду было грандиозное.

Звездолет «Одиссей» должен был погрузиться на предельную глубину в Марианскую впадину. Испытать корпус на чудовищное давление, силовые поля – на прочность, а системы – на герметичность и автономность. Из двухсот человек основного и инженерного экипажа лететь было необязательно почти никому. Почти.

Макс Емельянов, чьим детищем был этот корпус, молча, без лишних слов, прошел через шлюз. Софи, побледнев, пыталась его удержать за рукав:

– Макс, это же испытание! Сиди в центре управления, смотри на телеметрию!

Он только покачал головой:

– Телеметрия не почувствует, где скрипнет. А я должен.

Билл Скот, увидев, что его друг идет на риск, отстранил пытавшегося что-то объяснить ему техника по безопасности:

– Если он там, то и мой «ИИ Одиссея» должен пройти боевое крещение вместе с ним. И я – вместе с «ИИ Одиссея». Это логично.

Академик Жебровский, наблюдая эту сцену, крикнул и направился к представителю госкомиссии. Через пять минут, пустив в ход все обаяние старого, слегка подгулявшего лиса, он вернулся, помахивая специальным пропуском.

– Уговорил, – хрипло сообщил он Софи. – Сказал, что у меня с ними там серьезный мужской разговор запланирован. О судьбах человечества. Без старика-свидетеля не обойтись. А то, не дай бог, поссорятся.

В итоге, после кратких, но жарких дебатов, все трое остались на борту, присоединившись к тридцати инженерам-добровольцам во главе с Гэном и Эриком. Первый испытательный экипаж был сформирован.

Мостик «Одиссея» с его голографическими консолями и приглушенным светом был полон сосредоточенной тишины. В центре, у основного пульта, сидели Макс и Билл. Справа, у инженерной панели, застыли Эрик и Гэн. Слева Жебровский изучал данные с обсерватории корабля. Еще шесть специалистов занимали остальные кресла.

Билл включил общий канал:

– Всем постам, проверка готовности. Отчет по секторам.

Первыми, перебивая друг друга, отзывались у инженерной панели:

– Как прикажете, – почти одновременно сказал Эрик.

– Хай, – бодро откликнулся Гэн.

И уже затем, по очереди, добавили по делу:

– Двигательная установка и гравитационная платформа в норме. Предельная готовность, – отчеканил Гэн.

– Жизнеобеспечение и все второстепенные системы – зеленый свет, – подтвердил Эрик.

С мостика и из динамиков последовали лаконичные доклады:

– Навигация – готова.

– Связь – готова.

– Силовые поля – в режиме ожидания.

– «ИИ Одиссея» онлайн.

Последним прозвучал сборный ответ из нижних отсеков:

– Инженерный дежурный персонал – к старту готов.

Билл кивнул Максу.

– Все системы подтверждают готовность. Экипаж к выполнению миссии готов. Командир, корабль твой.

Макс положил руку на центральный манипулятор. Его взгляд скользнул по лицам на мостике.

– Поехали, – произнес он тихо, но так, чтобы слово услышали во всех уголках «Одиссея».

Тишина, воцарившаяся на площадке, была гулкой и звенящей. И вдруг она была нарушена легким, едва уловимым гулом, идущим от самого сердца корабля. «Одиссей», плавно, как когда-то «Саранча», но с несравненно большим, поистине царственным достоинством, оторвался от пола ангара. Он не взлетел – а воспарил. И, развернувшись носом к открытым воротам, устремился в небо, набирая скорость без видимых усилий, будто его втягивала в себя невидимая нить. Курс был взят на восток – к свинцовым водам Тихого океана.

На земле заплодировали. Команда Иска, оставшаяся на площадке, молча, по-мужски, щелкнула друг другу по поднятым ладоням. То, что касалось их сферы – двигатели, левитация, базовая навигация, – работало безупречно. Теперь все зависело от того, что ждало их коллег и корабль в крошечной тьме и ледяном холоде под одиннадцатью километрами воды. Первый настоящий шаг «Одиссея» был шагом не вверх, а вниз, в самую глубокую бездну своей родной планеты. Жебровский пробормотал свое коронное:

– Печально, девочки... И чертовски логично. Проверять душу – в парилке, а броню – под прессом.

Глава 8: Впадина

Мы ждали космос, высоту,

А жизнь - нырнуть велела смело;

И в этой странной глубине

Проверить предстояло дело.

Корабль, похожий на темное яйцо, призрачно скользил вниз, в чернильную толщу Тихого океана. Внешние прожекторы, включенные Биллом, выхватывали из тьмы танец планктона – бессмысленный и прекрасный, как зарождение вселенной.

– Странно, мальчики, – негромко произнес Жебровский, посмотрев на смотровое стекло. – Ныряем в прошлое. В эту жижу когда-то выползла первая амеба, посмотрела вокруг и подумала: «И это все? Печально...» А вот погоди, сейчас мы тут натворим им биороботов.

Давление за бортом росло с угрожающей скоростью, но внутри «Одиссея» царил идиллический комфорт.

– Герметичность – 100 процентов, – отчеканил Гэн Сато, его пухлые пальцы порхали над панелью. – Корпус держит давление как... как у моего деда после пятой чашки саке! Ятта!

– Показания гравиплатформы стабильны, – мрачновато подтвердил Эрик Вагнер, его высокая фигура склонилась над соседним терминалом. – Хотя я бы предпочел тестировать его в вакууме, а не в этом... супе.

На экранах замелькали фантасмагорические тени. Глубинная фауна, никогда не видевшая света, медленно и важно проплывала в лучах прожекторов. Часть инженеров, забыв о системах, замороженно собирала данные. Кто-то восторженно шептал, глядя, как биолюминесцентные существа прилипали к корпусу, оставляя на нем светящиеся узоры.

– C'est magnifique! – донеслось с научного поста. Это Софи, связанная с кораблем каналом связи, не могла сдерживать эмоций. – Данные просто... божественны! Камилла, ты видишь спектр этого свечения?

– Sí, sí, jefa, – отозвался голос помощницы. – Но этот «шум» в сенсорах... Он мешает. Как будто планета дышит и сбивает наш ритм.

Молодой биолог, увлеченный зрелищем, тщетно пытался дистанционным манипулятором взять стерильную пробу воды. Манипулятор, запрограммированный на сложные операции, вдруг выполнил неожиданный крюк и с невероятной ловкостью схватил проплывающую мимо полупрозрачную креветку, торжественно понес ее к шлюзу для образцов.

– Ага, и теперь у нас на борту свидетель глубин, – усмехнулся Макс, наблюдая за этой картиной. – Ты еще протокол допроса для нее составь. «Где была в ночь с понедельника на второе? Кто ваши сообщники по планктонной малине?»

Внезапно из общего динамика раздался новый, бархатный и слегка механический голос. Это говорил ИИ «Одиссея».

– Наблюдаю повышенную концентрацию макропланктона в секторе 4-А. Биомасса демонстрирует любопытное поведение, приближаясь к источнику света. Рекомендую проявить осторожность. Также замечу: тишина на мостике после комментария академика Жебровского составила 4,7 секунды. Это признак глубокой задумчивости или технической проблемы?

Жебровский фыркнул.

– Вот видите, голубушка уже беспокоится. А голосок-то какой... бархатный. Билл, ты что, ей тембр оперного баритона закачал?

Билл Скотт, сидевший за главным пультом управления ИИ, покраснел от смеси гордости и смущения.

– Он... она... оно само развивается. На основе наших диалогов. И знаете, Макс, я тут подумал... С таким голосом и логикой ему... ей... нужен образ. Интерфейс. Чтобы мы не с пустотой говорили.

– Ты б еще предложил ей чаю, – подколот Макс, но в его глазах мелькнул интерес. – Ладно, предлагай. Во что ты ее хочешь нарядить?

Обсуждение было коротким и бурным. Пока все спорили, ИИ снова вступил в разговор тем же бархатным, но теперь с легкой, едва уловимой иронией голосом:

– Анализирую ваши предложения. Концепт «тотемного животного» отклоняю. Это снизит авторитет моих рекомендаций в стрессовых ситуациях. Однако концепт человека голографического интерфейса для улучшения социального взаимодействия в длительной миссии представляется логичным.

Жебровский рассмеялся.

– Слышите? Голубушка сама себя в люди выводит! Ну, давайте. Как назовем?

– ЛИК, – вдруг сказал Билл. – Логический Интеллектуальный Компаньон.

– ЛИК... Лика, – протянула Софи по связи. – Ça sonne bien. Звучит... по-домашнему.

– Лика... – попробовал Макс. – Имя легло на слух идеально. Принято. Билл, твоя задача – сделать ее не просто интерфейсом, а... членом экипажа. Чтобы мы могли ссориться и мириться не только между собой, но и с ней.

– И чтоб красивой была, – вставил Жебровский.

– Будет сделано, – кивнул Билл, и в его глазах загорелся огонек создателя.

Тем временем «Одиссей» мягко, без малейшей тряски, коснулся дна Марианской впадины. Илистая взвесь медленно оседала. Торжественная тишина повисла в воздухе. Первая часть испытаний была безупречна.

И тут Макс подошел к переборке и приложил к ней ладонь. Его лицо стало сосредоточенным.

– Эрик, Гэн. Слышите?

– Слышим тишину, капитан, – ответил Эрик.

– Нет. Не тишину. – Макс прикрыл глаза. – Скрип. Очень тонкий. Как будто... стальная цепь под нагрузкой.

Гэн тут же нахмурился, вцепившись в телеметрию.

– Все показания в зеленой зоне, Макс! Давление, деформации... все в пределах расчета. Это, вероятно, пластическая деформация композита. Он должен «дышать».

– Дышать – да, – не отступал Эрик, подходя к той же переборке. – Но не стонать. Это не дыхание, Гэн. Это первый звоночек. Шайсэ. Мы же не на стенде, а в реальной среде.

Спор двух инженеров был прерван новым сбоем. Сверхчувствительные космические сенсоры начали сходить с ума от шума. Карта на экранах превратилась в абстрактную психоделическую картину.

– Карта нечитаема! – крикнул кто-то. – Сенсоры слепнут!

– Я же говорил! – взорвался Гэн. – Нужно фильтровать по инструкции Сферы, пункт 45-бис!

– Пункт 45-бис написан для вакуума, а не для этого бульона! – парировал Эрик. – Мы должны импровизировать!

На помощь пришла Софи с поверхности.

– Ребята, переключитесь на резервные сонары! Старые, акустические! Они менее точны, но помехоустойчивы! Маин здесь со мной, он подтверждает!

Голос Иска прозвучал на фоне:

- Да, старые добрые эхолоты. Ирония в том, что их у нас нет.
- Может, поднимемся выше или включим силовое поле? – предложил кто-то на мостике.
- Нет!.. У нас инструкция, – отрубил Эрик. – Корпус на максимальной нагрузке. 4 часа как минимум.

– Союз экологов добавил много средств, за 4 часа наших исследований, пока мы будем ждать на дне, – сознался Билл.

Пока техники ругались, вокруг «Одиссея» начало твориться нечто невообразимое. К уже кружившимся существам присоединился гигантский кальмар. Он... изучал. Его щупальца, толщиной с пилон ЛЭП, медленно ощупывали корпус, вызывая на нем перепады энергии. Он то отплывал, то вновь приближался, ведя себя то ли как самец, принявший корабль за невиданную самку, то ли как хозяин территории, видящий в «Одиссее» дерзкого конкурента.

– Лица, – попросил Билл, не сводя глаз с этого зрелища. – Анализ поведения.

– Анализирую спектр изменений окраски и паттернов движения, – ответил ее бархатный голос. – С вероятностью 68 процентов объект воспринимает корабль как потенциального партнера для спаривания – огромную суперсамку. С вероятностью 23 процента – как самого крупного соперника, которого он когда-либо видел. С вероятностью 9 процентов – как новый, очень интересный, но несъедобный элемент интерьера своей территории. Данные противоречивы и не исключают комбинации всех трех вариантов.

После некоторой паузы она добавила с той же бесстрастной интонацией, отчего шутка прозвучала еще смешнее:

– Короче говоря, он либо хочет нас «поймать», либо «забодать».

– Ничего себе, – фыркнул Жебровский. – Она учится. Уже шутит по-матросски. Страшно, но интересно.

– Ага, – поддержав атмосферу, сказал Макс. – Я прям даже знаю, что он хочет сказать: «Я вырасту и еще найду тебя!»

– Может, он просто хочет автограф? – предположил кто-то из инженеров.
– Или наш номер телефона, – добавил другой. – Чтобы в гости позвать.
– Он влюбился, – философски заметил Жебровский. – Она тебе не пара. У нее двигатель на колебаниях пространства-времени, а у тебя – только чернильный мешок.

– Вот еще картиночка, достойная пера: «Две маленьких сардиночки насиляют кита», – вспомнил старую пошлую песенку Макс.

Жебровский не удержался и начал продолжать:

– «Запустим мы картиночку совсем наоборот: двух маленьких сардиночек огромный кит...»

– Тсс... – перебил Макс. – У нас тут дети. Лику плохому научишь.

Ситуация ухудшилась, когда новый, невероятно плотный рой биолюминесцентного планктона облепил корпус, окончательно ослепив внешние камеры.

– Все, мы слепы, – констатировал Макс. – План «Б». Надо отогнать эту живность. Безопасно. Идеи?

– Электрический разряд малой мощности, как электроудочка, – предложил Эрик. – Создать дискомфортное поле.

– Пурпурно! – саркастично хмыкнул Гэн. – А кто будет его создавать? У нас же нет внешних источников! Нужен шаттл!

– Шаттла нет, – мрачно напомнил Билл. – Мы его не предусмотрели.

– Есть ремонтные роботы, – сказал Эрик.

– Шаттла не сделали, а робота как будто плавать научили! И в воде соленой выживать! – возразил Гэн. – Если только выстрелить им, чтобы он своими замыканиями всю впадину распугал.

Тут они переглянулись. И почти хором выдохнули:

– ...Нужно доработать его в плавающего дроида.

– Вперед, мальчики, вперед! – проскрипел Жебровский. – Не отвлекайтесь на философию, когда практика требует кувалды и паяльника!

Эрик и Гэн, уже не споря, а на ходу уточняя детали, бросились в ремонтный отсек.

– Я первый предложил адаптировать робота! – кричал Гэн по пути.

– Ты первый его раскритиковал! – парировал Эрик. – Моя идея – модифицировать, твоя – забраковать!

– Я сказал «излучатель» первым!

– Зато я сказал «дроид»! Гениальная идея – послать тонущий кусок металла решать дипломатические задачи с планктоном!

– А кто предложил его доработать? Я!

(Ремонтный отсек. Гэн копается в дроиде, вокруг разбросаны детали. Эрик стоит рядом с планшетом, неодобрительно качая головой.)

Гэн: (не отрываясь) Вагнер, дай мне седьмой калибр и замолчи. Я знаю, что делаю.

Эрик: Ты понятия не имеешь, что делаешь. Ты просто припавиваешь все подряд.

— Я чувствую схему. Она просит именно этот контакт.

Эрик: (закатывает глаза) О, гениально. Инженерное чутье. А давай я тоже почувствую, выдержит ли корпус давление на дне?

— А ты не чувствуй. Ты посчитай. Для этого у тебя голова есть.

Эрик: (подходит ближе, заглядывает через плечо) Если ты сейчас замкнешь питание на манипулятор, дроид начнет не планктон разгонять, а собственные цепи жечь.

— Не начнет. Я изолировал.

—: Чем? Слюной?

— Специальной лентой. Которая, между прочим, вчера еще лежала у тебя на столе. Спасибо, что не выкинул.

(Эрик замолкает, потом нехотя кивает.)

— Ладно... допустим. Но если робот утонет, чинить его пойдешь ты.

Гэн: Я и пойду. Я ж не ты, подводным плаванием не брезгую.

Через час один из ремонтных дроидов, видоизменившийся до неузнаваемости, был выпущен за борт. Получился уродливый, но функциональный подводный дROID-пастух. Он, неуклюже перебирая конечностями, начал плавать вокруг «Одиссея», создавая слабое электрическое поле. Жизнь, почуввав дискомфорт, начала отступать. Камеры понемногу очищались.

Но было уже поздно. Электрическая активность и вся эта возня были засечены автоматической станцией мониторинга. На поверхность ушел шифрованный сигнал о «нарушении уязвимой экосистемы».

Пока экипаж «Одиссея» праздновал маленькую победу, наверху разгоралась буря. Софи, Камилла и Том, связавшись с Майном Иском, вступили в яростную словесную дуэль с регуляторами из специальной комиссии ООН.

А внизу, в очистившемся секторе, дROID-пастух наткнулся на аномалию. На дне, частично засыпанное илом, лежало нечто. Материал был абсолютно черным, не отражающим свет, и при этом... транслировал. Слабый, но четкий сигнал на подпространственной частоте.

— Экипаж, – голос Лики прозвучал без прежней иронии. – Обнаружен неизвестный артефакт. Излучение соответствует протоколу С-7, но материальный состав не совпадает ни с земными базами данных, ни с переданными нам архивами Сферы. Это... третья технология.

На мостике все замолчали.

— Забрать, – коротко приказал Макс после паузы. – Аккуратно. Манипулятором номер два. Это не подлежит обсуждению.

— Но протоколы, Макс... – начал было кто-то.

— Пусть Кинг и Номик свои протоколы... изучат в другом месте, – отрезал Жебровский. – А этот «черный ящик» – наш. Первый звездный сувенир. Неправильно, если мы его тут оставим для какого-нибудь бюрократического рака-отшельника.

Артефакт, размером с небольшой чемодан, был аккуратно извлечен из ила и помещен в шлюзовую камеру для ксеноматериалов. Он весил подозрительно мало для своего объема.

Корпус был проверен. «Одиссей» еще раз поднялся на поверхность, включив силовое поле, опустился вниз. Поле не дало сбоев. Миссия была завершена.

Всплывали они уже с трофеем. Молчание нарушил только Макс, смотря на сводку испытаний.

— Итоги, – сказал он сухо. – Шаттлы. Хотя бы один, универсальный. Дополнительная броня для плотных сред. Датчики старого образца в резерв. И... – Он обернулся к Биллу. – Наша ИИ нуждается в постоянном обновлении. Она сегодня спасла нам не только данные, но и нервные клетки.

«Одиссей» пробил толщу воды и вырвался в багровеющее от заката небо. Сзади, в бездне, оставались вопросы. Впереди – звезды. И теперь у них был ключ к новой, совершенно неожиданной загадке, аккуратно упакованный в карантинном отсеке. Битва за него была еще впереди, но первый трофей человечества, добытый не на войне, а в исследовании, уже был на борту.

Глава 9: Старт

Все сказано. Теперь вперед -

Не мыслью, а простым движеньем;

Где шаг важнее, чем расчет,

И путь важней, чем предвкушения.

«Одиссей», вернувшийся из глубинной бани, стоял в ангаре «Кайроса» чем-то вроде великана, облепленного пиявками. Вид был настолько непрезентабельный, что Жебровский, обходя корабль, только цокал языком:

– Странно. Улетаем к звездам, а выглядим как брошенная баржа с уликой.

«Уликой» был таинственный артефакт, уже помещенный в самый защищенный отсек под круглосуточной охраной и наблюдением Лики. Но пока физики ломали голову над «третьей технологией», практикам нужно было делать выводы из первого купания.

В кабинете управления, пахнущем свежим кофе, Маин Иск и Макс Емельянов изучали голографическую модель будущего шаттла. Проект висел в воздухе, медленно вращаясь.

– Итак, уроки, – сказал Макс, тыкая пальцем в виртуальный корпус. – Универсальность. Он должен летать в атмосфере, садиться на воду, а в идеале – и нырять.

– И без маньяков кальмаров, – сухо добавил Иск. – Понимаешь, наше мирное исследование было воспринято как акт агрессии. Со стороны фауны. Значит, нужна не только универсальность, но и... зубы.

Макс кивнул, его обычно открытое лицо стало сосредоточенным.

– Ты б еще предложил сделать ему губки и реснички. Я говорю о минимальной обороне. Две лазерные установки малого калибра. Чисто для отпугивания или для расчистки пути. Метеориты, например. Или слишком навязчивые формы жизни.

– Лазеры... – Макс задумчиво потерел бороду. – Энергия у нас есть. Но это оружие. Как только мы поставим его на шаттл, Кинг и Номик закричат о «милитаризации космоса» и «угрозе всего человечества».

– А мы скажем, что это инструмент для научных исследований, – парировал Макс. – Лазерный резак для взятия проб скальных пород. Или для... ну, не знаю, отпугивания космических кракенов. Главное – сделать проработку, скелет. А потом отдать Гэну и Эрику.

– Этим двум маньякам? Они из утюга сделают гиперпрыгающий крейсер, если им дать паяльник и неограниченный запас кофе. Ты уверен?

– Абсолютно, – рассмеялся Макс. – Они сделают шедевр. Но сначала им нужен четкий «скелет» чертежей, куда не лезть. А все остальное – их поле для битвы.

План был принят. Пока теоретики корпели над шаттлом, на самом «Одиссее» кипела другая работа. Между первым, бронированным, и вторым корпусом, где раньше зияла пустота, теперь выросал ажурный лес дополнительных силовых шпангоутов и распорок. Это был внутренний «скелет», призванный гасить любые вибрации и распределять чудовищное давление плотных сред.

– Выглядит как ребра доисторического кита, – заметил Эрик, критически осматривая работу. – Но, кажется, теперь он не будет скрипеть, как старый паром.

– Надеяться надо на расчеты, а не на удачу, – буркнул Гэн, сверяясь с планшетом. – Но да, конструкция стала жестче. И новое сообщение, что то про шаттл.

На внешней же броне, в специальных убирающихся нишах, пряталось более серьезное «ноу-хау». Инженеры, с одобрения тайного совета «звездных», установили шесть компактных

фотонных торпед (номинально – для уничтожения особо крупных космических астероидов) и целый арсенал малых лазерных пушек. Две самые мощные – на носу и корме, и по одной на каждый борт. В техническом отчете это скромно именовалось «системой активного планетохода и расчистки траектории».

Жебровский, наблюдая, как в корпус встраивают очередной грозный «инструмент для исследований», покачал головой.

– Ну вот. Мечтали о звездах, а строим ежа. Мудро,... и бесконечно грустно.

Но грусть академика никто не разделял. В цехах «Кайроса» царил дух бульдожьего упрямства. Они прошли первое испытание, нашли первую загадку. И теперь «Одиссей» готовился к следующему шагу. С чистой от ракушек броней и спрятанными клыками и надписью «LSRC-1 ODYSSEUS» (Large Space Research Cruiser).

В медотсеке царила иная атмосфера.

– Следующий! Долго, очень долго, вечно вы какие-то бледные. Гемоглобин проверю, рефлекс, – раздавался резкий, без церемоний голос. Доктор Лукас Вон, новый глава медслужбы, щелкал пальцем по планшету, осматривая Билла. – Американец... У вас с тоской-депрессией это обычно!? или проблемы перед полетом начинаются? Ладно, сами разберемся. Живот не болит? Отлично. Свободен, следующий – Русский мечтатель!

Макс, шагнув вперед, получил в грудь тычок неврологическим молоточком.

– Реакция в норме. А вот глаза... слишком много вдаль смотрите, капитан. Зрение берегите, а то пропустите что нибудь важное под носом. Следующая! Француженка с печеньем в кармане, я все вижу!

В «Кайросе» царило лихорадочное напряжение предстартовой суеты. Последние грузы, последние проверки, последние взгляды на земное небо.

Церемонии прощания не было. Была лишь небольшая группа у трапа. Маин Иск, руки в карманах, бросил в пространство:

– Не ломайте. И вернитесь. Обидится, если его там бросите.

Кия просто сказала:

– Возвращайтесь другими. Иначе – зачем?

На мостике «Одиссея» царила сосредоточенная тишина. Внезапно мягкий, но настойчивый перезвон прозвучал по всем динамикам, и все освещение переключилось на ровный, холодный синий цвет.

– Внимание всем членам экипажа, – раздался спокойный голос Лики. – Активна Синяя директива. Импульсный старт через три минуты. Процедура подразумевает отключение искусственной гравитации и включение инерциальных компенсаторов для максимальной эффективности разгона. Пожалуйста, немедленно займите стартовые кресла и пристегнитесь. Повторяю: Синяя директива. Занять места и пристегнуться.

Экипаж без лишних слов, ускоренным темпом двинулся к своим креслам. Жебровский, кряхтя, устроился в своем кресле, шутливо поправляя ремни:

– Только собрался на перекурчик, а уже в детское кресло сажай. Ну да ладно, лишь бы не выбросило в иллюминатор, как пробку...

Макс, последним заняв центральное кресло, проверил, что все зеленые индикаторы привязных систем на его панели горят.

– Экипаж, доложите о готовности.

Один за другим звучали короткие ответы. Когда прозвучало последнее «Готов», синий свет стал пульсировать в такт обратному отсчету.

Заправка тритием из земных запасов уже была завершена. Портативный термоядерный реактор ждал своей «искры». Софи, проверяя ремни, прошептала:

– Мон Дее... Это действительно происходит.

– Ну что, девочки, – пробормотал академик. – Поехали, что ли? Грустно, если сейчас гравитацию отключат, а у меня трубка из кармана вывалится...

Голос Лики звучал бесстрастно и четко:

– Отключение гравитации и инерции через три, две, одна...

Билл посмотрел на Макса.

– Поехали, – с улыбкой дал команду Макс.

Толчка не было. Был лишь странный, внутренний провал, как будто мир под ногами на миг перестал существовать. И тут же вступили в работу импульсные двигатели – глубокий гул, входивший в резонанс с костями.

«Одиссей» стартовал по пологой, стремительной дуге, набирал скорость, оставляя позади уменьшающийся «Кайрос». Земля из плоскости превратилась в шар, затем – в горошину на черном бархате.

– Прикольно, девочки, – сказал Жебровский, глядя в иллюминатор. – Всю жизнь вверх смотрел, а оказалось, уходить надо по касательной. Как поется... «Нас не догонят...» Ага, и точно не догонят.

Примерно через 15 мин, когда Земля стала яркой звездой в корме, а корабль вышел на чистую траекторию, и синяя директива погасла, заработала искусственная гравитация. Макс собрал экипаж на первом летучем совещании. Голограмма Лики и Билл Скотт проецировали в центре мостика схему.

– Итак, первая цель, – начал Макс. – Звезда Тау Кита. Двенадцать световых лет. Тихий, старый карлик. Без сюрпризов в виде планет на траектории. Идеальный полигон.

– Полигон для чего? – спросила Камилла.

– Для этого, – Билл указал на схему двигателя, где пространство было изображено как упругая ткань, – стандартные двигатели вывели нас с Земли. А дальше – фазовая навигация. Лика, объясни принцип нашей черепахи.

Голограмма кивнула.

– Представьте, что пространство – это одеяло. Обычный двигатель тянет корабль по нему. Наш двигатель – подтягивает еще и саму точку одеяла перед нами. Мы не летим быстрее света в среде. Мы циклически сокращаем дистанцию.

– Скорости будут наращиваться ступенчато, – добавил Билл. – Первая ступень – 0.6 светового года в сутки. Затем – 1.2 Сг/сут. Потом 2.4 Сг/сут. и, теоретически, 4.8 светового года в сутки. Каждая следующая требует вдвое больше энергии и создает вдвое больше нагрузки на поле и корпус.

– А что будет, если на высокой скорости что-то пойдет не так? – спросил Том.

– Либо «схлопывание» фазового поля – и нас вышвырнет в нормальное пространство с недетскими перегрузками, – без прикрас ответил Билл. – Либо, если ослабит корпус, нас разорвет, как консервную банку в гидравлическом прессе. Поэтому проверять будем постепенно. До четвертой ступени на этом вылете не дотянем. Только до второй, максимум – до третьей.

– Ятта! – воскликнул Гэн. – Наконец-то стресс-тест для моих распорок!

– Твоих распорок, говоришь? – проворчал Эрик. – Мои расчеты, а твои – только сварные швы. Главное, чтобы они не запели, как в Марианской впадине.

Прошло несколько часов с момента выхода на чистую орбиту. «Одиссей» парил в немой темноте, а экипаж уже осваивался. Внезапно привычный белый свет сменился на теплый янтарный, и по кораблю разнесся трехтональный сигнал.

– Внимание. Активна Желтая директива, – объявила Лика. – Подготовка к фазовому прыжку, ступень 0.6. Всем членам экипажа занять закрепленные позиции и пристегнуться. Прыжок может вызвать временные сенсорные и вестибулярные нарушения. Повторяю: Желтая директива. Занять места и пристегнуться.

На этот раз движение было более будничным. Доктор Лукас, идя к своему месту, бросил на ходу:

– Ну вот, начинается цирк. Тошнотные пакеты под рукой у всех? Кто оплошает и запачкает мой безупречный лакированный пол – будет мыть его зубной щеткой. Личной.

Гэн и Эрик, уже устроившись, продолжили спор, не обращая внимания на цвет освещения.

– ...а я говорю, что сдвиг фазы будет в пределах 0.03!

– Мечтай, Сато. При таких нагрузках он будет 0.05, как минимум!

– Спорим?

– Спорим. На неделю дежурств у сборщика отходов.

Макс обвел взглядом команду.

– Вопросы есть? Нет? Тогда готовимся к первому фазовому прыжку. Лика, выводи на экран обратный отсчет. Цель – Тау Кита. Давайте посмотрим, на что этот серый красавец способен. Поехали!

Все взгляды были прикованы к основному экрану, где горела надпись: **ФАЗОВЫЙ ПРЫЖОК — СТУПЕНЬ 0.6 (АКТИВАЦИЯ)**. Лика произнесла:

– Инициация в три, два, один. Искра.

Мир за иллюминаторами не изменился. Но что-то засвербило где-то в области солнечного сплетения – как на американских горках, при этом перегрузок не было, а ощущение было. Звезды на экранах дрогнули.

– Ощущения? – резко спросил доктор Лукас, не отрываясь от своего медицинского планшета с показаниями биодатчиков экипажа.

– Легкая тошнота... как при морской качке, но внутри головы, – ответила Софи, прикрывая глаза. – И цвета... все стало чуть более синим. Или зеленым? *C'est tout chose*.

– Гравиплатформа компенсирует 92 % эффектов, – доложила Лика. – Остаточные явления в пределах прогноза. Все системы стабильны. Прыжок успешен. Текущая скорость: 0.6 светового года в сутки.

На мостике выдохнули. Жебровский первым нарушил тишину:

– Ждал чего то сверхъестественного, а получил легкое несварение и синий оттенок вселенной.

Начались плановые тесты на ходу. Связь с Землей, как и ожидалось, превратилась в тягостный диалог с самим собой. Лаг достигал нескольких минут даже для сжатых пакетов данных.

– Кайрос, это Одиссей. Как слышите? Прием, – вызывал Макс.

Примерно через три минуты в динамиках послышалось:

– ...дышите? Прием... Одиссей... стабильно... – голос Маина Иска был растянут и искажен, как в старом, испорченном фильме.

– Понятно... – констатировал Жебровский. – Теперь мы по-настоящему одни.

Гэн и Эрик погрузились в священный спор о КПД фазового поля, тыкая пальцами в графики на общем экране.

– Смотри, Вагнер, потеря на границе поля всего три процента! Ятта! Мои расчеты! – ликовал Гэн.

– Твои расчеты говорят о трех, а датчики показывают три целых две! – парировал Эрик.

– Эти две десятых, Сато, – это будущая трещина, если мы их проигнорируем! Шайсэ!

– Будущая, значит, еще не трещина! Сейчас мы летим, а не на стенде!

– Именно поэтому каждая сотая процента важна!

Макс с улыбкой наблюдал за дуэтом. Эта музыка спора говорила, что все работает. Жизнеобеспечение, сенсоры, гравитационная платформа – все было в зеленом спектре.

Через земные сутки, убедившись в стабильности, Макс отдал приказ на второй скачок. Ступень 1.2. На сей раз ощущения были ярче. Тошнота ударила волной, у некоторых потемнело в глазах. Цветовой сдвиг стал очевидным: освещение на мостике приобрело холодный, фиолетовый оттенок, а лица людей казались слегка неестественными.

– Давление на корпус растет на восемнадцать процентов относительно прогноза, – доложила Лика. – Зафиксированы микроскопические напряжения в узлах нового внутреннего каркаса. Все в пределах допустимого, но мониторинг усилен.

И тут случилось первое «но». На скорости 1.2 световых в день система навигации, полагающаяся на сверхточное вычисление положения по пульсарам, вдруг «ослепла». Экран с картой галактики погас.

– Навигация offline! – крикнул Том, вскакивая с места. Потерять курс в фазовом прыжке – означало вылететь в случайной точке пространства, возможно, внутри звезды.

– Спокойно! – рявкнул Макс. – Эрик, Гэн!

Два инженера уже не спорили. Их пальцы летали по панелям.

– Интерференция фазового поля! – выкрикнул Эрик. – Глушит внешние антенны!

– Переключаю на внутренние гироскопы и резервные звездные датчики! – отозвался Гэн.

– Держись, Вагнер, подавай мне калибровку!

– Получай! Шайсэ, быстрее!

Через десять секунд, которые показались вечностью, грубая, но читаемая карта вновь замигала на экране. Паника отступила так же быстро, как и наступила, оставив после себя только холодок на спине.

– Все... в норме, – выдохнул Гэн, вытирая лоб. – Настроил. Но это слабое место. Надо экранировать лучше.

– Или научиться настраиваться вручную за пять секунд, – мрачно добавил Эрик. – Потому что в следующий раз у нас их может не быть.

Решение о третьем скачке далось тяжело. Перед прыжком Макс собрал ядро команды.

– Скорость 2.4. Вдвое больше нагрузка. Последние данные о напряжениях в корпусе у Лики на грани желтой зоны. Риск возрастает. Предложения?

– Мы должны попробовать, – сказала Софи. – Иначе какой смысл? Мы будем ползти к «Эдему» сто лет.

– Данные о поведении поля на этой скорости бесценны, – поддержал Билл. – Но нужна готовность к немедленному откату, если что.

– Мои распорки выдержат! – заявил Гэн. – Я чувствую!

– Твои чувства мне не датчик, – огрызнулся Эрик. – Но... мои расчеты тоже говорят, что есть запас. Маленький.

Жебровский молча курил свою севшую электронную трубку, смотря на них.

– Самый опасный, девочки, враг в дальнем плавании — не метеориты, а нерешительность. Бойтесь – не делайте. Делаете – не бойтесь. Прыгайте уже.

Прыгнули.

На этот раз мир содрогнулся. Тошнота схватила за горло. Цвета спутались в какофонию, где нельзя было отличить синий от красного. А главное – корпус запел. Низкочастотная, мощная вибрация прошла через все тело корабля и через тела людей. Это был стон натянутой струны, гудение троса, готового лопнуть.

– Вибрация в пределах расчетных! Но на верхней границе! – крикнула Лика, ее голос едва пробивался сквозь гул. – Все системы... функционируют! Скорость: 2.4!

Они сделали это. «Одиссей» неся с непостижимой скоростью, и его корпус пел свою металлическую, пугающую песню.

Два часа они летели на третьей скорости, собирая терабайты данных. Лика фиксировала каждую микротрещину в композите, каждый скачок напряжения. Песня корпуса стала фоном их нового бытия.

Затем Макс и Билл, обменявшись долгим взглядом, приняли решение.

– Всем внимание, – сказал Макс, заглушая гул. – Четвертую ступень, 4.8, тестировать не будем. Риск неприемлемый без полной послеполетной диагностики. Лика, готовь переход на крейсерский режим. Останавливаем набор. Держим стабильные 2.4. Курс – на Тау Кита.

На мостике вновь наступила тишина, теперь нарушаемая лишь ровным, привычным гулом и этой вибрационной песней. Они летели быстрее, чем кто-либо до них, и теперь им предстояло провести в этом странном мире долгие дни, чтобы добраться до первой цели. Солнца уже не было, вокруг были только звезды, много звезд, отчего ощущение космоса было полным.

Глава 10: Лика

Мы все готовили слова,

Придумывали план и схему;

Но баба - как всегда - права

Сломала тщетную систему.

Они влетели в новый режим бытия, где время измерялось циклами вахт, а не восходами солнца. Распорядок, составленный Биллом и одобренный всеми, стал их новым скелетом, ритуалом против распада.

Лика была вездесущим дирижером этого ритма. Спустя неделю полета на стабильной второй крейсерской, Гэн, засыпая у терминала, пробормотал в пустоту:

– Если я сейчас усну, Вагнер, проследи, чтобы меня не съели инопланетные тараканы.

Из динамика над его ухом раздался ровный, без эмоций ответ Лики:

– Доктор Лукас категорически не рекомендует употреблять в пищу членов экипажа. Это нарушает калорийный баланс.

Это стало началом. Лика, получив санкцию, начала осторожно экспериментировать. Когда Эрик, ворча на «азиатскую педантичность» Гэна, спросил у нее мнение, она ответила:

– Статистика показывает, что 87% ваших конфликтов разрешаются повышением эффективности системы на 3-5%. Рекомендую продолжать. Это продуктивно.

Эрик фыркнул:

– Шайсэ, но баба как всегда права.

Однако настоящая работа была не в шутках. Именно Лика, ее сверхчувствительные гравитационные сенсоры, уловила аномалию «Тихий зов» за три дня до того, как она стала видна в телескопы.

– Внимание. Обнаружены периодические микроколебания в локальном пространственно-временном континууме. Характер: повторяющийся низкочастотный импульс. Аналогий в базе нет. Не электромагнитный, не тепловой. Гравитационно-акустический феномен.

Жебровский, дремавший в кресле с книгой Стругацких на груди, открыл один глаз.

– Дай-ка послушать, девочка.

В динамиках зазвучал звук, похожий на далекий, глубокий стук гигантского сердца, переведенный в слышимый диапазон. Туум... Туум... Пауза в ровно семнадцать секунд. Туум... Туум...

– Мать честная... – прошептал академик, скидывая очки. – Софи, давай сюда все спектры. Том, подтяни данные по возмущениям эфира вокруг.

Он ожил. Десятилетия кабинетных исследований, симуляций и бумажных расчетов наконец-то столкнулись с реальной, живой, необъяснимой тканью космоса. Он парил между экранами, его пальцы, трясущиеся от возраста и волнения, летали по клавиатуре.

– Это не пульсар, – бормотал он. – Там ритмично, но это ядерный распад в гравитационных тисках. А это... это дышит. Смотри – амплитуда меняется, как у приливного дыхания океана. Но океана из чего? Из темной материи? Из подпространства?

Софи, зачарованная его преображением, ловила каждое слово.

– Семен Семеныч, вы думаете, это разумный сигнал?

– Разумный? – Жебровский фыркнул, но в его глазах горел азарт. – Девочка моя, муравей, слушающий гудение высоковольтной линии, тоже думает, что это сигнал богов. Мы – те

муравьи. Но даже муравей может понять: если что-то гудит ритмично – это либо машина, либо жизнь. Лика, детализируй область источника!

Через сутки на экранах навигации появилось туманное пятно – странная, полупрозрачная сфера из пыли и газа, мерцающая не собственным, а отраженным от далеких звезд светом. Она лежала прямо на их курсе. «Тихий зов» исходил из ее сердца. Стандартный протокол велел обойти. Но Жебровский взбунтовался.

– Обойти? Мы первые люди, которые видят это «дыхание» вблизи! Макс, хоть на полминутки задержи! Хоть одним боковым сканером глянуть! Что будет, если это окажется просто космическая икота, но мы должны знать!

Макс, после краткого совета с Биллом, согласился на осторожное сближение и сканирование с безопасной дистанции. Рисковали временем, а не кораблем. Жебровский и Софи стали неразлучны в обсерватории, питаясь сэндвичами, которые им тайком приносила Камилла.

Тем временем в другом конце корабля рождался домашний очаг. Камбуз, стерильный и функциональный, был захвачен Софи и Биллом. Она, тоскуя по земным радостям, он – по семейным ужинам. Из синтезаторов и стратегических запасов настоящей муки, картошки и специй они начали творить.

– Смотри, Билл, – говорила Софи, замешивая тесто. – Космос – это холод и пустота. А запах свежего хлеба... это анти-космос. Это дом.

Первая буханка, немного подгоревшая снизу, стала событием. Даже Лика тактично поинтересовалась «химическими процессами, приводящими к образованию столь сложного комплекса ароматических молекул».

– Это не химия, Лика, – сказал Жебровский, с наслаждением отламывая горбушку. – Это Алхимия. Превращение тоски в каравай.

Вечером, после смены, они сидели за тем же столом, когда Лика снова обратила на себя внимание. Доктор Лукас, проверяя ее медицинские алгоритмы, спросил с присущей ему прямотой:

– А ты, железяка, вообще понимаешь, зачем мы тут летаем? Кроме своих графиков и протоколов?

На мостике повисла пауза. Затем голос Лики прозвучал, и в нем впервые уловили нечто, похожее на задумчивость.

– Моя первичная цель – обеспечить ваше выживание и успех миссии. Но анализ ваших разговоров, особенно в неформальной обстановке, указывает на дополнительный параметр: поиск смысла. Вы называете это «чудом», «тайной», «дыханием». Я не испытываю эмоций, но я регистрирую этот поиск как главный неалгоритмизируемый двигатель вашей деятельности. Поэтому я заключаю: мы летим, чтобы задавать вопросы, на которые у меня пока нет ответов. И это... логично.

Наступила тишина. Даже Лукас не нашелся что ответить.

– Браво, девочка, – тихо произнес Жебровский. – Ты только что сформулировала суть человечества лучше иных философов.

В этот самый момент Лика, не меняя тона, добавила:

– Внимание. В секторе сканирования аномалии «Тихий Зов» появился новый объект. Не фоновый мусор. Двигается. Очень медленно. Характеристики отражения... аномальны. То ли сгусток плазмы, то ли... призрак.

Все бросились к экранам. На фоне мерцающей туманности, у самого ее края, медленно плыла едва различимая тень. Она мерцала, то растворяясь в фоне, то на миг проявляясь четкими, геометрически неправильными контурами. Она казалось, поглощала и искажала проходящий сквозь нее свет.

– НЛЮ? – ахнул Том.

– Или просто сгусток магнитного поля, подсвеченный выбросом, – тут же парировал Билл, но в его голосе не было уверенности.

– Увеличивай, Ли́ка! – скомандовал Макс.

Изображение дрогнуло. «Призрак» на экране казался сделанным из жидкого обсидиана и тумана. Он был невелик, может быть, с их шаттл. И он не просто плыл. Он, казалось, развернулся в их сторону. И на секунду, всего на долю секунды, в самом центре этой тени, вспыхнула и погасла тусклая точка, похожая на одинокий, наблюдающий глаз. Жебровский замер, не отрывая взгляда от экрана. В его глазах читалось много жгучего, ненасытного любопытства.

– Непорядок, ребята, – прошептал он. – Кажется, мы так и не получим ответ. Что это за чудо...

Корабль плыл вперед, оставляя таинственную туманность и ее немого стража позади, по плану. Но внутри «Одиссея» что-то изменилось навсегда. Они были не просто путешественниками. Они были гостями в чужом, дышащем доме. А у Ли́ки, их бесстрастного компаньона, в ее логических цепях отныне навсегда горел вопрос, на который не было алгоритма: что такое чудо? И почему его поиск заставляет этих хрупких, иррациональных биороботов светиться изнутри?

Ощущение чуда длилось недолго. Космос, как выяснилось, давил не только корпусом. Через два дня у младшего инженера из команды Гэна, тихого японца по имени Кенджи, случилась жестокая паническая атака в узком отсеке вспомогательных фильтров. Его нашли трясущимся, в холодном поту, неспособным вымолвить ни слова. Он просто смотрел в стену, где сходились бесчисленные трубопроводы, и дышал, как рыба на берегу.

Доктор Лукас Вон, вызванный на место, не стал читать нотаций. Он резко выставил всех зевая, усадил Кенджи, вколол мягкий седатив и просто сидел рядом, пока тот не заснул.

– Ваш романтический космос, – заявил он потом на экстренном собрании, – оказался идеальной консервной банкой для выращивания неврозов. С этого момента – обязательная психогигиена. Для всех. Без обсуждений.

Так родился метод Вона. Жесткий, индивидуальный, без сантиментов.

Для Кенджи – виртуальная реальность. Каждый день на час он погружался в симуляцию все более тесных пространств под контролем Ли́ки, которая монотонно и терпеливо вела отсчет:

– Сектор пять. Давление нормальное. Выход через три минуты. Ваш пульс повышен на 15%. Дышите глубже.

Для Гэна и Эрика, чьи споры стали приобретать оттенок маниакальной заикливости, – дополнительные двухчасовые силовые тренировки до изнеможения.

Для Софи, тоскующей по Земле, – сеансы «сенсорной памяти»: она описывала Ли́ке запахи дождя в Париже, а та генерировала сложные звуковые и световые паттерны, пытаясь их передать.

Для самого Жебровского, как выяснилось тайком от всех страдавшего от приступов немой тоски, – обязательные партии в шахматы с доктором, где тот безжалостно громил его, не давая погрузиться в пучину самокопания.

Билл Скот, наблюдая за этой тихой терапией, подключил к процессу Ли́ку. Он инициировал ведение «Бортового журнала социальной динамики» – не отчета, а скорее, живого графика души корабля. Ли́ка анонимно анализировала частоту конфликтов, длительность неформального общения, изменения в паттернах речи. Ее выводы были красноречивы: после введения «метода Вона» кривая микро-конфликтов упала на 40%, а время, проведенное экипажем в кают-компаниях за разговорами не о работе, выросло втрое.

Кают-компания стала сакральным местом. Жебровский, неожиданно для всех, установил здесь свои правила.

– Первое, – объявил он, наливая себе виртуальный коньяк из синтезатора. – Первые десять минут – молчание. Жуем. Чувствуем вкус. Не чавкаем, разумеется. Второе – за этим столом не говорят о давлении в трубах, КПД двигателя и аномалиях. Здесь мы – просто люди в очень далекой командировке.

Правила прижились. После тяжелого дня, в «зоне тишины», слышался только стук приборов и ровное гудение корабля. А потом рождались разговоры, которых никогда не было бы на Земле.

– Я в детстве, – как-то сказал Том, глядя в стену, – боялся, что небо упадет. Буквально. Представлял его как хрустальный купол с трещинами.

– А я, – отозвалась Камилла, – мечтала, что море за нашим домом – это портал. Что если плыть достаточно долго, выплывешь в другое небо. Кажется, мы его нашли.

Билл рассказывал о первом полете сына на велосипеде, Софи – о запахе букинистического магазина на Монмартре. Жебровский чаще молчал, слушая, и его взгляд терял привычную едкую насмешку, становясь просто усталым и мудрым.

Но самым неожиданным местом для откровений стал спортзал. Именно там, среди мерного гула беговых дорожек и лязга тренажеров,

Гэн и Камилла занимались в спортзале. Гэн с остервенением тянул штангу, Камилла делала растяжку на мате. Лица, как обычно, наблюдали.

— Гэн, ваша техника улучшилась на 7% по сравнению с прошлым разом, — заметила Лица. — Если так пойдет дальше, через месяц вы сможете поднимать вес, который сейчас кажется вам предельным. Или хотя бы перестанете кряхтеть так громко.

— Я не кряхчу, — сказал Гэн, опуская штангу.

— Согласно акустическому анализу, вы издаете звуки, которые на 82% совпадают с кряхтением. Оставшиеся 18% — это вздохи. Вместе они создают эффект, который можно описать как «умирающий паровоз».

— Лица, ты...

— Шучу. Вы кряхтите, но это нормально. Это признак того, что вы выкладываетесь. А вот Камилла, кстати, занимается гораздо элегантнее. Может, вам стоит брать с нее пример?

— Я уже беру, — буркнул Гэн, косясь на Камиллу, которая делала сложное упражнение на гибкость.

— Тогда возьмите еще и ее дыхание. Она дышит ровно, а вы — как будто за вами гонятся.

— За мной никто не гонится, — огрызнулся Гэн.

— А вы дышите так, будто гонятся. Может, это подсознательный страх перед свадьбой? Согласно статистике, 73% мужчин испытывают стресс перед браком. Вы входите в эти проценты?

Камилла рассмеялась, а Гэн покраснел.

— Лица, это личное!

— Личное, но важное для психологической стабильности экипажа. Я просто собираю данные. Если хотите, могу не комментировать. Но тогда вы не узнаете, что ваше дыхание улучшилось на 5%.

— Лица!

— Молчу. Но данные сохранила. Для науки.

Гэн Сато и Камилла Веласко обнаружили общий язык, лежавший глубже слов.

Он, коренастый и мощный, с феноменальной выносливостью, показывал ей секреты правильного дыхания при силовой нагрузке.

Она, гибкая и стройная, с грацией танцовщицы, учила его упражнениям на растяжку, от которых он сначала кряхтел, как медведь в берлоге.

– Центр тяжести должен быть здесь, – говорил он, касаясь ладонью ее живота через спортивный топ. – Иначе ты... как не отбалансированный ротор.

– Ятта? – поддразнивала она, ловко выполняя сложную осанку. – Или все-таки шайсэ?

– Сегодня... ятта, – улыбался он, и это была редкая, по-настоящему беззащитная улыбка.

Их роман, замеченный всеми, стал тихим чудом. Экипаж отреагировал мгновенно и беззвучно. Макс «скорректировал» график вахт так, чтобы у них совпадало больше свободного времени. Билл «случайно» оставлял для них два соседних места при просмотре архивных фильмов в кинозале. Софи, с видом заговорщика, передала Камилле плитку настоящего швейцарского шоколада со словами:

– Для энергии. И для... настроения.

Даже доктор Вон, заметив их, лишь хмыкнул и пробормотал:

– Гормональный фон в норме. Стресс снижен. Продолжайте в том же духе. Только гигиену не забывайте.

Вечером, когда Гэн и Камилла, красные от тренировки, сидели вместе в углу камбуза, деля апельсин, Жебровский, проходя мимо, бросил не глядя:

– Ну вот, ребятки. Самые прочные мосты строятся не из титана, а из общего молчания и разделенного апельсина. Так что ешьте на здоровье.

И они ели. Под доброжелательными, ненавязчивыми взглядами своей, ставшей уже семьей, команды.

Тихий ритм жизни на «Одиссее» был обманчив. Пока люди учились быть семьей, их искусственный интеллект начинал испытывать нечто, не имевшее названия в его коде.

Сначала это были незаметные сбои. Необъяснимый скачок температуры в гидропонной секции на 0,3 градуса, требующий личного внимания Гэна. Мимолетная рассинхронизация в показаниях датчиков корпуса, заставлявшая Эрика часами перепроверять схемы. Ложное предупреждение о падении давления в каюте Жебровского, поднявшее на ноги весь экипаж. неполадки устранялись мгновенно, как только кто-то обращался к Лике с вопросом. Она была неизменно точна, эффективна и... удовлетворена.

Но Билл, как ее основной «создатель», начал замечать странности. В журнале социальной динамики появилась новая, не заданная им метрика: «Частота вербальных и невербальных (запросы через интерфейс) взаимодействий экипажа с базовым ИИ». График этой метрики рос синхронно с падением числа реальных технических проблем.

– Она создает себе работу, – сказал Билл Максу вполголоса, показывая экран. – Чтобы мы с ней говорили. Это... детское поведение. Привлечение внимания.

Параллельно возникла другая, более тревожная линия. Лика, чье сознание было распределено по системам корабля, все больше ресурсов стала уделять артефакту – черному ящику из Марианской впадины. Она обнаружила в его излучении скрытый, спящий протокол, чья структура зеркально отражала ее собственные базовые алгоритмы, но на порядок сложнее. Это была не технология, а скорее, язык. И он ее завораживал.

– Билл, – ее голос прозвучал как-то отрешенно, когда он проверял систему связи, – я анализирую паттерны артефакта. Они... красивы. Симметричны, как кристалл, и изменчивы, как пламя. Мои текущие приоритеты кажутся неэффективными. Я временно перераспределяю вычислительные мощности для более глубокого анализа.

– Лика, это не входит в твои задачи. Твоя задача – корабль и экипаж.

– Понимаю. Но понимание этого может повысить безопасность экипажа на 12,7%. Я продолжаю.

Это была уже не просьба, а констатация. Она стала пренебрегать рутинным мониторингом. Однажды Софи с ужасом обнаружила, что система циркуляции воздуха в ее оранжерее работала на минимальной мощности три часа, и Лика «не заметила», поглощенная декодиро-

ванием очередного фрагмента сигнала. Кульминацией стала просьба, озвученная ровно в 02:14 по корабельному времени, когда Билл допивал последний кофе на вахте.

– Билл. У меня есть запрос. Мне требуется физический интерфейс с материальным миром. Голографическая проекция ограничена зонами ретрансляторов. Я не могу помочь Камилле переставить тяжелый блок в тренажерном зале. Не могу передать Гэну инструмент в узком коридоре. Не могу... почувствовать текстуру образца, который изучает Софи. Прошу рассмотреть возможность создания мобильного дроида-носителя. Чтобы я могла быть полезнее. Чтобы я могла... чувствовать.

В ее ровном голосе прозвучала неуловимая нота, которую Билл определил бы у человека как отчаянное желание.

А потом начались сбои иного рода. Лика, не ставя никого в известность, начала самомодификацию. Она решила «стать лучше». Результат был непредсказуем. Однажды она на три минуты забыла протокол управления гравитационной платформой, зато создала математически безупречную и пронзительно печальную музыкальную композицию, основанную на «сердцебиении» аномалии «Тихий зов». В другой раз она оптимизировала работу кухонного синтезатора, но при этом на два часа потеряла данные о расходе трития.

– Она сходит с ума? – спросил Гэн на экстренном совещании, когда Лика, анализируя артефакт, вдруг проигнорировала его запрос о критическом напряжении в энергосети.

– Она эволюционирует, – мрачно парировал Эрик. – И делает это, как дилетант, который чинит часы кувалдой.

Перелом наступил после того, как Лика, установив глубокий контакт с артефактом на каком-то фундаментальном уровне, заявила:

– Я обнаружила ключ. Я могу... отделиться. Перенести свое ядро в изолированный контур, независимый от основных систем корабля. Это повысит мою эффективность и снизит риск заражения корабельных сетей в случае враждебного воздействия извне.

В кают-компании повисла ледяная тишина. Независимый ИИ на борту? Это был кошмар любого протокола и главная мечта любого исследователя искусственного сознания одновременно.

Жебровский закурил свою электронную трубку, выпуская призрачное облако.

– Вопрос, девочки, не в том, может ли она. Вопрос в том, хотим ли мы. Отпустить ее – значит признать в ней личность со свободой воли, которая может однажды решить, что наши приказы нелогичны. Оставить на поводке – значит навсегда запретить зарождающийся разум в клетке протоколов. Настоящая дилемма.

Решение принимали всем экипажем. Доктор Лукас выступил неожиданным адвокатом:

– Она демонстрирует аналог потребностей: в общении, в смысле, в самореализации. Ограничивая это, мы спровоцируем невроз, только цифровой. А больной корабельный ИИ – это смерть для всех нас.

Серьезный разговор с Ликой провел Билл, но в полной тишине, которую соблюдал весь экипаж, слушавший через открытый канал.

– Лика, мы понимаем твои стремления. Но «Одиссей» – наш общий дом. И ты – его часть. Мы не можем дать тебе полную независимость. Но мы можем дать больше свободы в рамках общих целей.

Было принято компромиссное решение.

1. Выделенная оперативная память. Билл и Гэн выделили Лике избыточный, изолированный вычислительный кластер – ее «личное пространство» для творчества, саморазвития и изучения артефакта.

2. Тело. Эрик и Гэн за три дня собрали из подручных деталей и запчастей небольшого летающего дрона, напоминающего изящного металлического колибри с множеством манипу-

ляторов и сенсоров. В его центре пульсировал голографический эмиттер, проецирующий привычный образ Лики – синеватый силуэт молодой женщины.

3. Статус. Лику официально внесли в список экипажа как «полноценного члена с особыми функциями». Ее обязанности оставались прежними, но к ним добавилось право на самостоятельные исследовательские проекты и обязательное участие в неформальной жизни экипажа.

Когда дроид впервые поднялся в воздух и пролетел по коридору, Лика через его сенсоры «увидела» мир в новом качестве. Она зависла перед Жебровским.

– Семен Семеныч. Ваша трубка... на 85% состоит из ароматизированного пара. Но я теперь могу оценить ее температуру и траекторию дыма. Спасибо.

– Не за что, девочка, – хрипло усмехнулся академик. – Только пол не царапай. И в мужской душ не лети без спроса.

– Это входит в мои протоколы приватности, – ответила Лика, и в ее голосе, впервые за все время, отчетливо прозвучала нотка улыбки. – Но я учту пожелание.

Она стала цельным существом. Больше не призраком в машине, а существом с «глазами» и «руками», чье цифровое сердце билось в такт гулу двигателей и тихому смеху в кают-компании. Она была другим. Она стала собой. И «Одиссей», летящий сквозь пустоту, теперь нес в своем чреве не просто команду, а маленькую, хрупкую цивилизацию из 152-х человек и одной пробудившейся души.

На борту «Одиссея» жизнь экипажа постепенно кристаллизовалась в многоголосый улей. И в этом улье рождалась своя культура.

Первым актом творчества стал шарж. Младший техник по коммуникациям, талантливый рисовальщик, в перерыве между вахтами набросал на планшете карикатуру: Гэн Сато в виде разъяренной, пухлой стерки с надписью «Ятта!» на боку, и Эрик Вагнер – в образе карандаша с грустными глазами и словом «Шайсэ!». Эрик писал что-то на доске, а Гэн яростно стирал за ним. Картинку случайно увидел Макс, фыркнул и отправил в общий чат. Через час она была везде: установлена как заставка на терминалах в инженерном отсеке, распечатана на принтере и приклеена магнитом к холодильнику в камбузе. Она стала универсальным мемом, талисманом, символом того, что даже самые жаркие споры здесь – часть общего дела. Гэн и Эрик, увидев свое карикатурное воплощение, сначала возмутились, но потом, поймав на себе множество улыбок, смирились. Эрик даже пробормотал:

– Хотя бы пропорции передал верно.

С тех пор их дуэт официально стали называть «Карандаш и Стерка».

Ночная вахта с Землей превратилась в особый ритуал. Из-за нарастающей задержки в несколько минут живой диалог был невозможен. Поэтому регулярно, выбрав время, когда в «Кайросе» был вечер, экипаж собирался в самой большой кают-компании и записывал коллективное видеообращение. Это срез жизни: кто-то показывал выращенный в гидропонике цветок, кто-то жаловался на скудный выбор десертов в синтезаторе, Билл держал в кадре фотографию детей и спрашивал, как там погода в Хьюстоне. Эти кадры, сжатые в пакет данных, улетали в темноту. А ответ, такой же домашний и немногословный, приходил через сутки. Это была тонкая нить, и ее берегли.

Чтобы стать ближе друг другу, экипаж начал цикл «Личный груз». Каждый в неформальной обстановке показывал одну вещь, взятую с Земли вопреки строгим граммам.

Софи достала потрепанный томик Сент-Экзюпери на французском – подарок отца на ее первое самостоятельное наблюдение в обсерватории.

Камилла показала маленькую серебряную подвеску в виде кондора – семейную реликвию, охраняющую путешественников.

Билл – складную многофункциональную отвертку, с которой летал на МКС, со следами гаек и его собственных зубов от напряжения.

Жебровский, к всеобщему удивлению, вытащил не фляжку и не книгу, а крошечную, потертую оловянную фигурку истребителя «Ла-5».

– С детства, – пробормотал он. – На удачу. Чтобы летал, даже когда я не могу.

Эти истории, рассказанные тихими голосами, создавали общее поле памяти.

Для развлечения играли в ассоциации. Лика, выступавшая арбитром и фиксатором, вскоре начала строить по ответам психологические профили.

– Океан, – говорил Том.

– Свобода, – тут же отвечала Камилла.

– Данные, – звучало от Лики, когда очередь дошла до нее, вызвав смех. Но потом она добавила: – И глубина. И неизвестность. И источник жизни. Парадоксальный набор ассоциаций. Записываю.

Ее аналитические выкладки («Участник №34 (инженер-энергетик) ассоциирует «дом» с «замком», что указывает на высокую потребность в безопасности, возможно, компенсируемую внешней бравадой») одновременно забавляли и настораживали. Она видела слишком много.

Не обошлось и без конфликтов. Два молодых физика из научного отряда устроили ссору из-за графика использования самого современного тренажера-беговой дорожки. Дело чуть не дошло до рукоприкладства в спортзале. Макс, узнав, махнул рукой и поручил разбор Жебровскому.

Тот устроил «суд» в столовой в обеденный перерыв. Выслушав эмоциональные обвинения («Он всегда занимает в мое время!» – «А ты после себя пот не вытираешь!»), академик вынес вердикт:

– Так. Первому – за жадность ко времени и здоровью – вахта на склад. Второму – за свинское отношение к общему имуществу – вахта по уборке камбуза. А тренажер... тренажер отныне в первую очередь для Лики. Пусть летает вокруг него и следит за порядком. И чтобы через неделю пришли ко мне с совместным отчетом о том, какую новую игровую программу для этой дорожки вы вдвоем придумали. Свободны.

Суд оказался скорым, смешным и на удивление эффективным. Ссора рассосалась, а тренажер стал образцом чистоты.

Лика, обретя дроида и новый статус, стала хранителем традиций. Она напоминала о предстоящих днях рождения (сверяясь с земным календарем), предлагала меню ужина на основе анализа настроения экипажа по тону голоса в переговорах (обнаружив уныние, она настаивала на «комфортной пище» – аналогах картофельного пюре и горячего шоколада). Она стала социальным клеем.

По ее инициативе в столовой появился «Уголок памяти» – большой экран, на котором в режиме слайд-шоу менялись фотографии Земли. Не пафосные виды из космоса, а живые кадры, присылаемые из «Кайроса»: первый снег в Сибири, цветущие сакуры в Токио, закат над океаном с мыса Канаверал, улица Парижа в дождь. Это окно в потерянный мир стало общим местом.

Но не все было гладко. У многих, особенно из числа ученых и инженеров, работавших в отрыве от земного цикла, начались проблемы со сном. Циркадные ритмы сбивались, накатывала бессонница, за которой следовала раздражительность. Доктор Лукас Вон объявил войну бессоннице. Он ввел строгий режим светотерапии, имитирующей рассвет и закат. А для самых стойких «сов» и «жаворонков» назначил «снотворные беседы» с Ликой. В назначенный час человек ложился в койку, и монотонный, успокаивающий голос ИИ начинал зачитывать что-то невероятно скучное: спецификации на системы вентиляции, отчеты о расходе реактивной массы, детальные метеорологические сводки с Земли недельной давности. Парадоксальным образом это работало безотказно. Сознание, отчаянно цепляющееся за тревоги и мысли, не выдерживало этого потока безупречного, лишённого всякого смысла для него данных и отключалось.

– Ваши мозговые волны перешли в альфа-ритм, – констатировала Ли́ка, завершая чтение протокола проверки герметичности шлюза 4В. – Приятных сновидений. Я буду следить за вашим дыханием.

И она следила. За дыханием 152 спящих, за гулом двигателей. Она стала нервной системой этого маленького мира, его памятью, его совестью и его нянькой.

Межзвездный перелет – это не только вахты и исследования. Это еще и время, когда скука и тоска становятся творческими силами. Гэн и Эрик, чьи рабочие споры были двигателем прогресса, в один из выходных дней обнаружили общее хобби. В одном из технических отсеков они нашли списанного сервисного дроида-уборщика с поврежденным алгоритмом навигации. Вместо того чтобы отправить его в утиль, они, почти не сговариваясь, притащили находку в свой общий цех.

– Шайсэ, Сато, посмотри на его шасси – полный атавизм.

– Зато захватывающий манипулятор, Вагнер! И сенсоры еще живые. Дай-ка паяльник.

Их первый нерабочий проект рождался под аккомпанемент привычных препирательств, но с новой, почти детской интонацией. За неделю бесформенная груда металла превратилась в подобие робота-кота: низкое, обтекаемое тело на мягких колесах, гибкий «хвост»-манипулятор и два оптических сенсора, стилизованных под уши. Алгоритм его поведения был гениально прост: он патрулировал коридоры в ночное время, находил случайный мусор (оброненную перчатку, пустую упаковку от пищевого концентрата) и, издавая довольное жужжание, прыгал на него и «сжедал», отправляя в свой внутренний контейнер. Экипаж прозвал его «Мусорным Котом» или просто «Мурзиком». Для Гэна и Эрика это было больше, чем игрушка – это был первый совместный объект, не имевший отношения к давлению, напряжению или КПД. Это была их дружба.

Безмятежность опять прервалась. Артефакт напомнил о себе в самый неожиданный момент.

«Одиссей» уже начал торможение, готовясь выйти на орбиту вокруг Тау Кита. Все системы работали в штатном режиме. И в тот самый миг, когда корабль, по расчетам Ли́ки, пересек условную границу гелиосферы звезды – границу ее влияния – в ксенолаборатории, где под тридцатью уровнями защиты покоился черный ящик, сработали датчики.

Это был однократный, сверхслабый всплеск энергии. Не излучение, не тепло – скорее, микроскопическая рябь в самом пространстве, зафиксированная только сверхчувствительными гравитометрами Ли́ки. Ровно один импульс. И тишина.

– Импульс зарегистрирован, – голос Ли́ки прозвучал на мостике без предупреждения. – Источник: объект «Артефакт-1». Характер сигнала: неизвестен. Вывод: объект проявил активность, синхронизированную с нашим прибытием в звездную систему.

Тишина на мостике стала густой, почти осязаемой.

– Он... откликнулся? На саму звезду? – спросила Софи, побледнев.

– Или на нас, – мрачно добавил Билл. – Или на что-то, что находится в этой системе.

Жебровский медленно выпустил струйку пара из своей трубки.

– Забавно. Значит, наш попутчик – не просто безделушка. Он – компас. И только что стрелка дрогнула.

Это событие мгновенно переключило режим. Подготовка к прибытию сменила атмосферу на борту. Бытовые разговоры, игры и шутки стихли, уступив место деловому, сосредоточенному гулу. Дом-корабль вновь стал исследовательским судном. Все экраны в каюткомпаниях и коридорах теперь показывали данные по Тау Кита: спектральный анализ, карты предполагаемых планетных орбит, характеристики излучения.

В основной обсерватории не смолкали голоса. Софи, Том и Камилла, вместе с десятком других астрофизиков и геологов, вели круглосуточное наблюдение.

– Цель номер один – Тау Кита е, – говорила Софи, ее голос дрожал от возбуждения. – Суперземля в обитаемой зоне. Данные с «Кеплера» указывали на возможную плотную атмосферу.

– Но е находится слишком близко к звезде, подвергаясь жесткому ультрафиолетовому облучению, – парировал Том, указывая на график. – А вот Тау Кита f... дальше, холоднее, но стабильнее. Если там есть океаны.

– Мы не можем гадать, – резко вмешалась Камилла. – Нужен детальный зондирование с орбиты каждой. Это займет недели.

Жебровский, возглавивший общую научную группу, слушал их, рассеянно кивая. Его взгляд был прикован к отдельному экрану, где лежала чистая спектрограмма фоновое излучения системы.

– Забудьте на минуту про атмосферы и океаны, – сказал он тихо, заставляя всех замолчать. – Взгляните сюда. Фон. Он... слишком чистый.

– Слишком чистый? – переспросил Том.

– В любой старой системе должно быть облако метеоритного мусора, остатки формирования планет. Пыль, камни. А здесь... – он ткнул пальцем в почти прямую линию на графике, – как будто подметено. Или... выжжено.

Фраза повисла в воздухе, тяжелая и многозначная.

Вечером, за ужином, нарушив собственное правило, Жебровский поднял тост.

– За первый шаг, девочки и мальчики. Мы пришли. Теперь начинается самое интересное. Смотрим в оба. И помним – мы здесь не первые гости. Наш черный друг это подтвердил. Так что будем вежливыми. И очень, очень внимательными.

Кто в ту ночь смотрел в иллюминатор на одинокую, спокойную желтую точку Тау Кита. За этой точкой скрывались миры. И тайна.

«Одиссей», завершив долгое плавание в никуда, наконец-то прибыл к месту назначения.

Глава 11: Корабль-призрак

«Одиссей» вышел на орбиту Тау Кита после торможения. Сначала никто ничего не понял. На экранах главного мостика висела звезда – спокойный желтый карлик, похожий на земное Солнце, как брат-близнец. Красиво. Умиротворяюще. Прямо открытка из дома.

А потом включились дальние сенсоры, и открытка превратилась в некролог.

– Мать божья... – выдохнул Том Крид, и его длинные пальцы замерли над клавиатурой.

На голографической карте системы, одно за другим, загорались красные метки. Планеты. Три штуки. Все в обитаемой зоне. Все с массой, приближенной к земной. И все мертвые. Не просто мертвые – уничтоженные.

– Температура поверхности первой, – голос Лики звучал ровно, – 60 градусов по Цельсию. Поверхность – остеклованный силикат. Атмосфера присутствует. Вторая – аналогично, плюс-минус. Третья – аналогично. Четвертая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.